Master Negative Storage Number

OCI00055.02

Vied'ma i Solovei,
ataman razboinikov

Moskva

1890

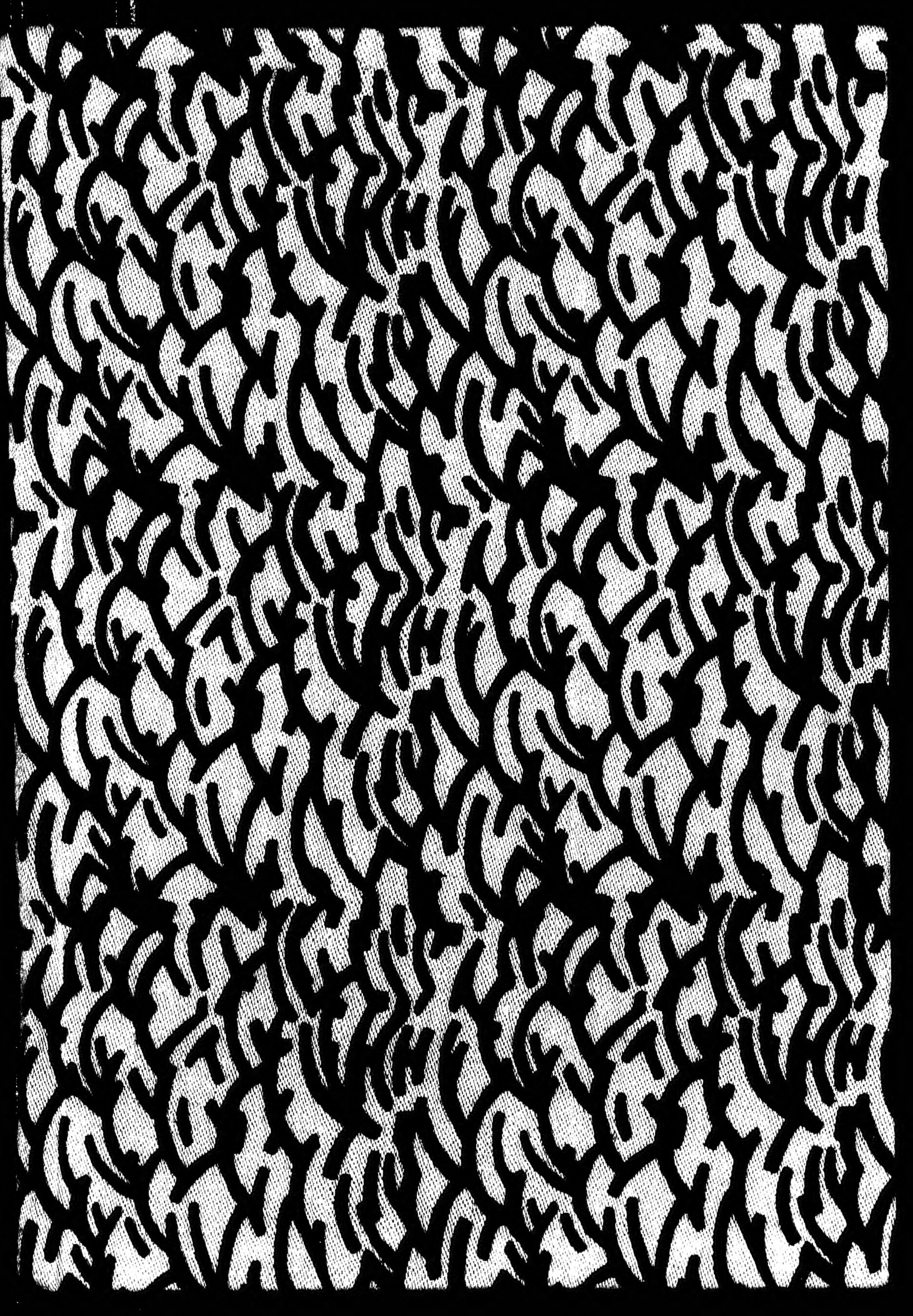
BIBLIOGRAPHIC RECORD TARGET
PRESERVATION OFFICE
CLEVELAND PUBLIC LIBRARY

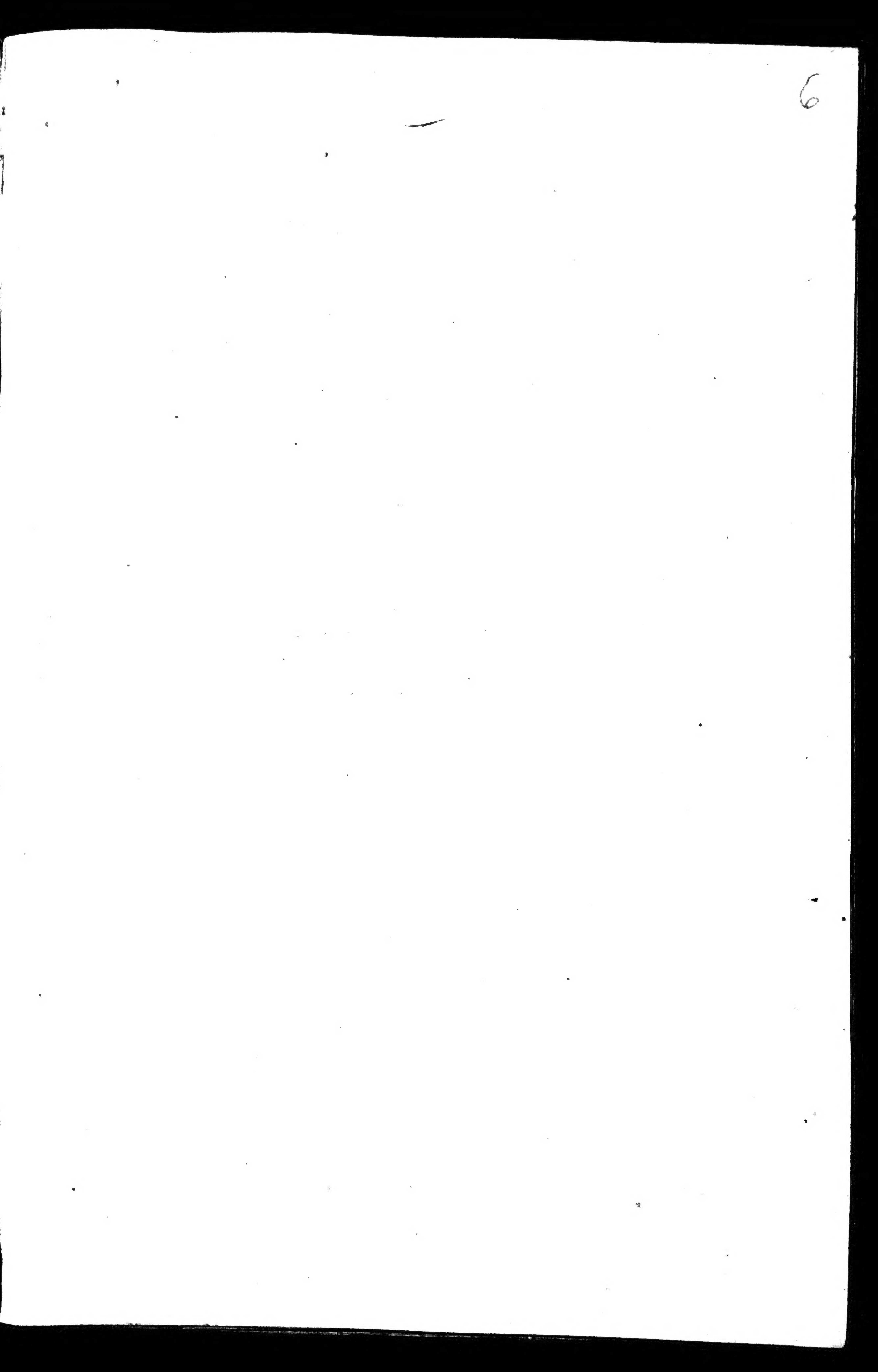
RLG GREAT COLLECTIONS
MICROFILMING PROJECT, PHASE IV
JOHN G. WHITE CHAPBOOK COLLECTION

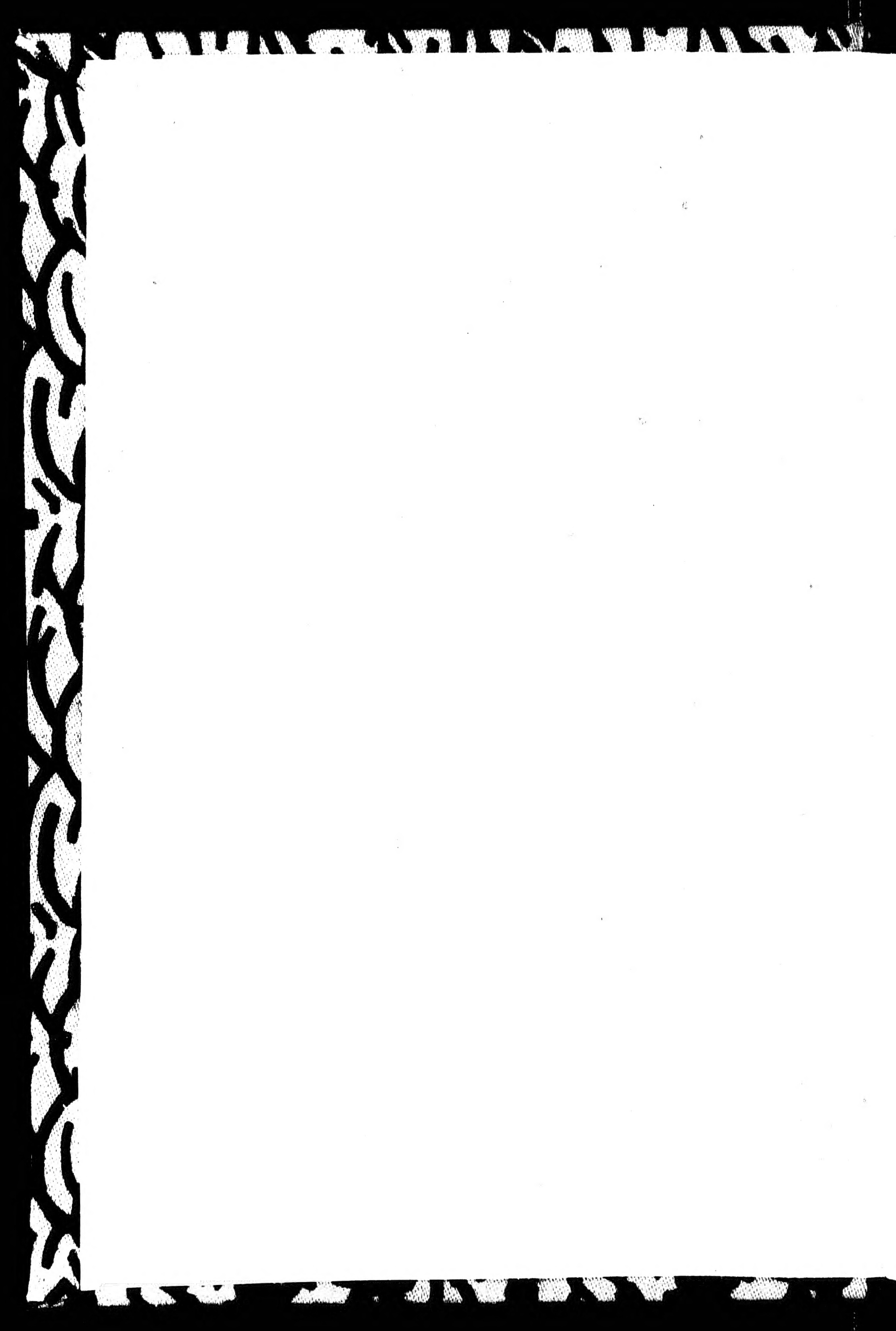
Master Negative Storage Number: OCI00055.02

Control Number: BGO-3170
OCLC Number : 25161525
Call Number : W 381.5917N V671
Title : Vied'ma i Solovei, ataman razboinikov : poviest' iz vremen Vasiliia Temnago i Shemiaki.
Imprint : Moskva : Tip. I.D. Sytina, 1890.
Format : 108 p. ; 18 cm.
Note : Colored illustrations on cover.
Subject : Chapbooks, Russian.

MICROFILMED BY
PRESERVATION RESOURCES (BETHLEHEM, PA)
On behalf of the
Preservation Office, Cleveland Public Library
Cleveland, Ohio, USA
Film Size: 35mm microfilm
Image Placement: IIB
Reduction Ratio: 8:1
Date filming began: 11/1/94
Camera Operator: AR

Вѣдьма и Соловей

ВѢДЬМА

и

СОЛОВЕЙ,

АТАМАНЪ РАЗБОЙНИКОВЪ.

ПОВѢСТЬ

из времен Василiя Темнаго и Шемяки.

МОСКВА.
Типографiя И. Д. Сытина и К°., Валовая ул., собственный домъ.
1890.

Дозволено цензурою. Москва, 14 марта 1890 года.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Повѣсть эта относится къ временамъ Василія Темнаго (1425—1462), внука Димитрія Донскаго. Хотя со времени одержанія этимъ послѣднимъ славной Куликовской побѣды надъ татарами (8 сент. 1378 г.) для Руси начала заниматься заря освобожденія отъ тяжкаго ига татарскаго, тѣмъ не менѣе она еще не составляла цѣлаго единаго государства, а была раздѣлена на удѣлы, изъ которыхъ каждый представлялъ почти самостоятельное княжество, съ своимъ особымъ княземъ во главѣ. Вслѣдствіе этого раздробленія на Руси попрежнему продолжались большія смуты и неурядицы.

По старинному обычаю, право престолонаслѣдія обыкновенно принадлежало старшему въ родѣ, т. е. умиравшему князю наслѣдо-

валъ не сынъ, а братъ; но со временъ Димитрія Іоанновича Донскаго это право скрѣплено было грамотой въ пользу старшаго сына, и боковыя линіи такъ ослабѣли, что немногіе изъ потомковъ Мономаха смѣли думать о великокняжескомъ престолѣ, вслѣдствіе чего въ самомъ семействѣ Донскаго началась 20-лѣтняя усобица.

Одинъ изъ сыновей Донскаго, Юрій Дмитріевичъ, князь звенигородскій и галицкій, желая возстановить древній обычай престолонаслѣдія, вздумалъ было не признать великимъ княземъ своего племянника Василія Васильевича, за котораго, по причинѣ его малолѣтняго возраста, всѣми дѣлами правили бояре. Но на сторонѣ юнаго князя были остальные его дяди, и обѣ тяжущіяся стороны въ 1431 году рѣшили ѣхать въ орду за рѣшеніемъ спора.

За Василія особенно ратовалъ въ ордѣ одинъ изъ бояръ московскаго князя, Іоаннъ Всеволожскій. Онъ своими льстивыми рѣчами успѣлъ склонить хана Махмета на сторону юнаго Василія, и этотъ послѣдній былъ признанъ великимъ княземъ московскимъ. За эту услугу б-яринъ Іоаннъ разсчитывалъ породниться съ великимъ княземъ, выдавъ за него свою дочь; но мать великаго князя,

гордая литовка Софья, воспротивилась и побудила сына вступить въ бракъ съ Маріей, внучкой Владиміра Храбраго. Это такъ раздражило боярина Іоанна, что онъ перешелъ на сторону Юрія Дмитріевича и сталъ подбивать его идти войной на Василія. Князь Юрій съ радостью принялъ предложеніе и только ждалъ удобнаго случая, чтобъ открыто вступить во вражду съ Василіемъ. Поводъ не замедлилъ представиться: сыновья Юрія, Василій Косой и Димитрій Шемяка, пировали на свадьбѣ у великаго князя. На Косомъ былъ надѣтъ золотой поясъ съ драгоцѣнными камнями, подаренный княземъ суздальскимъ его дѣду, Димитрію Донскому, и кѣмъ-то подмѣненный другимъ, попроще; изъ десятыхъ уже рукъ поясъ этотъ достался Косому вмѣсто Василія Темнаго. Бывшій въ числѣ гостей намѣстникъ ростовскій, Петръ, призналъ поясъ и шепнулъ объ этомъ матери великаго князя, Софьѣ Витовтовнѣ. Та вспыхнула и въ порывѣ гнѣва сорвала поясъ съ Косого въ присутствіи всѣхъ гостей. Тогда оба оскорбленные брата быстро встали изъ-за стола и уѣхали къ отцу, въ Галичъ. Этого достаточно было для Юрія, чтобы взяться за оружіе, и онъ съ войскомъ быстро направился къ Москвѣ.

Застигнутый врасплохъ, князь Василій наскоро собралъ небольшую дружину и, въ 20 верстахъ отъ Москвы, оба войска сразились между собой: побѣда осталась за Юріемъ, а Василій, захвативъ свою семью, поспѣшилъ укрыться въ Костромѣ. Тогда Юрій торжественно въѣхалъ въ Москву и занялъ великокняжескій престолъ, помирившись, по совѣту своего любимца Морозова, съ Василіемъ и давъ ему въ удѣлъ Коломну, куда Василій вскорѣ и переселился съ своей семьей.

Москвичи такъ сильно любили своего князя, что цѣлыми толпами уходили изъ столицы въ Коломну, и въ нѣсколько дней Москва почти опустѣла.

Тогда Юрій понялъ, что ему не удержаться въ Москвѣ, и велѣлъ передать племяннику, что онъ уступаетъ ему этотъ городъ; а самъ, взявъ взамѣнъ нѣсколько волостей, вернулся въ Галичъ. Василій торжественно вступилъ въ Москву, окруженный боярами и народомъ, которые, по словамъ лѣтописца, стремились вслѣдъ за княземъ, какъ «пчелы за маткой». Но раздоры между дядей и племянникомъ не прекращались: опять была стычка между московскими дружинами и Юрія, въ которой послѣднія остались побѣ-

дителями. За это Василій напалъ на Галичъ и разорилъ его до тла. Тогда Юрій вновь пошелъ войною на Василія и разбилъ его подъ Ростовымъ. Василій бѣжалъ, а Юрій вторично вступилъ въ Москву, овладѣвъ Кремлемъ, гдѣ взялъ въ плѣнъ жену и мать князя, и вновь провозгласилъ себя великимъ княземъ московскимъ. Вскорѣ послѣ того онъ скоропостижно умеръ, въ 1434 г.

Тутъ дѣти Юрія, Василій Косой и Дмитрій Шемяка, на нѣкоторое время было помирились съ Василіемъ Темнымъ (который опять сталъ во главѣ московскаго княжества), но не надолго: Косой, въ силу своей привычки къ захватамъ, съ шайкою бродягъ сталъ разорять великокняжескія области. Великій князь страшно разсердился и, желая отмстить Косому, заковалъ въ цѣпи его брата, Шемяку, который пріѣхалъ въ Москву звать великаго князя къ себѣ на свадьбу, и отослалъ его въ Коломну. Косой вступился за брата и, собравъ войско, пошелъ войной на Василія, къ которому и попался въ плѣнъ. Этотъ послѣдній, въ припадкѣ бѣшенства, велѣлъ выколоть ему глаза. Чтобъ сколько-нибудь успокоить свою совѣсть, Василій поспѣшилъ освободить Шемяку, котораго держалъ какъ плѣнника, и наградилъ его мно-

гими удѣлами, за что Шемяка обѣщалъ ему служить вѣрой и правдой; но затаенная зависть снова побуждала его неоднократно стремиться къ низверженію Василія. Косой же, получивъ нѣсколько удѣловъ, черезъ нѣсколько лѣтъ скончался всѣми забытый.

ГЛАВА I.

У вѣдьмы.

Въ одинъ изъ зимнихъ вечеровъ 1425 г. страшная мятель бушевала въ лѣсу, около Москвы. Вѣтеръ съ сильнымъ ревомъ и свистомъ крутилъ и поднималъ цѣлые столбы снѣгу, падавшаго хлопьями, изъ котораго мѣстами буквально образовались насыпи невылазныхъ сугробовъ. Темь была непроглядная. И въ такое-то позднее время и непогоду два всадника, съ головы до ногъ запушенные снѣгомъ, съ трудомъ, шагъ за шагомъ пробирались въ лѣсу, безпрестанно спотыкаясь и останавливаясь отъ залѣплявшаго имъ глаза снѣга.

— Ну, погодка! Нечего сказать! Дорогу ищи хоть ощупью: зги не видать! — говорилъ одинъ изъ всадниковъ.

— Да ты, Яша, не сбился ли съ дороги? — спросилъ его спутникъ.

— Кажись, князь, не сбился; да, вишь, какая непогодь! Снѣгу-то, чай, самъ видишь, навалило по колѣна; а темь такая, что хоть глазъ выколи: въ двухъ шагахъ ничего не видать.

— Вотъ,—продолжалъ ворчать про себя послѣдній:—дернула же его нелегкая, прости, Господи, согрѣшеніе, ѣхать въ такую пору къ вѣдьмамъ! Словно лучше и времени не нашлось... Ну, статочное ли дѣло князьямъ по такимъ трущобамъ ѣздить? Да и чего онъ наберется у колдуньи? Извѣстное дѣло, что она только портитъ да привораживаетъ людей. Не даромъ говорятъ, что она некрещеная... душу свою продала дьяволу, который у нея на посылкахъ. Правду сказать, хорошій человѣкъ, христіанинъ, такъ ни за что и не поѣдетъ къ чародѣйкѣ; а это все князь занялся отъ татаръ: какъ побывалъ у нихъ, такъ и пустился по вѣдьмамъ.

Наконецъ, лѣсъ сталъ замѣтно рѣдѣть, и наши путешественники выбрались изъ него на дорогу, которая стала спускаться подъ гору.

— Ну, скоро ли?—спросилъ князь.

— А вотъ, какъ спустимся внизъ, на окраинѣ-то дороги, направо, и будетъ ея проклятое гнѣздо.

Дѣйствительно, черезъ нѣсколько минутъ показалась чуть замѣтная избушка, до половины ушедшая въ снѣжный сугробъ.

Подъѣхавъ къ ней, князь передалъ своего коня Яшѣ, а самъ постучался въ дверь.

На стукъ князя на порогѣ появилась стройная, высокая женщина съ пожелтѣвшимъ, морщинистымъ лицомъ; одѣта и причесана она была до крайности небрежно, вслѣдствіе чего и выглядѣла гораздо старше своихъ лѣтъ. На видъ ей можно было дать, по крайней мѣрѣ, лѣтъ пятьдесятъ, хотя на самомъ дѣлѣ ей было не болѣе тридцати пяти.

Внутренность помѣщенія вполнѣ соотвѣтствовала внѣшнему виду хозяйки по тому безпорядку, той неряшливости, которая царствовала во всей обстановкѣ.

О женщинѣ этой, слывшей въ окрестностяхъ за колдунью, сложились самые разнорѣчивые толки и небылицы: кто говорилъ, что она по происхожденію своему татарка, бѣжавшая изъ Крыма, кто называлъ ее цыганкой, а нѣкоторые увѣряли, что она казачка и что родина ея—Днѣпръ; что будто бы она превращается то въ огненнаго змѣя, то въ свинью, то въ красную дѣвушку и т. п. Вообще суевѣріе было присуще вѣрованіямъ того времени.

Князь вошелъ въ избу. Это былъ еще сравнительно молодой человѣкъ, съ темно-русой небольшой бородкой, съ смѣлымъ, хотя нѣсколько злымъ взглядомъ, одѣтый въ богатую кунью шубу и собольи шапку. Стряхнувъ снѣгъ, князь сбросилъ шубу. Хозяйка, быстро оглядѣвъ съ ногъ до головы пріѣзжаго, замѣтила, что онъ былъ одѣтъ въ богатую расшитую ферязь съ золотыми петлицами; талія его была стянута жемчужнымъ поясомъ, на которомъ висѣлъ длинный мечъ. Смекнувъ, что гость былъ именитый, хозяйка съ поклономъ обратилась, пристально вглядываясь въ него:

— Здорово, князь! Откуда Богъ принесъ въ такую позднюю пору? Аль сбился съ дороги, али дѣло какое имѣешь до меня?

— Да, тетка: пріѣхалъ къ тебѣ погадать о своей судьбѣ,—отвѣчалъ князь, задумчиво садясь на лавку.

— Что ты, родимый? У тебя ли нѣтъ счастья? Посмотри на себя: ходишь въ шелку да золотѣ, молодъ, здоровъ... Какого же тебѣ еще счастья?

— Счастья! Нѣтъ, не говори этого, тетка: счастливъ лишь тотъ, у кого на душѣ свѣтло да радостно; а если душа въ тревогѣ, тутъ и рѣчи не можетъ быть о счастьѣ, какъ бы богатъ онъ ни былъ... Ты лучше погадай-ка,

что ждетъ меня впереди и чѣмъ кончится моя жизнь?»

Съ этими словами князь бросилъ горсть золота на столъ. Колдунья съ презрѣніемъ отодвинула червонцы въ сторону и, гордо выпрямившись, взяла уголь, очертила на полу кругъ и поставила въ средину князя.

— Слушай, князь! Молчи и не бойся того, что увидишь; все, что ни представится тебѣ — зависитъ отъ власти и воли темнаго царя.

— То-есть отъ сатаны? Понимаю,—пробормоталъ князь.

Колдунья не отвѣчала. Она молча взяла жаровню, раздула уголья и положила на нихъ пучокъ какой-то травы, вторично предупредивъ князя, чтобы онъ молчалъ.

Трава затрещала и задымилась.

— Твое имя, князь?—съ насмѣшливой улыбкой спросила вѣдьма.

— Дмитрій.

Плеснувъ на жаровню какой-то еще жидкости, колдунья начала торжественно шептать непонятныя, мудреныя слова; между тѣмъ дымъ жаровни смѣнился бѣловатыми парами и синевато-бѣлымъ огнемъ, скользившимъ по поверхности потухавшихъ угольевъ. Наконецъ, огонекъ потухъ, но пары продолжали увеличиваться, распространяя въ

избѣ сильный удушливый запахъ, отъ котораго начинала кружиться голова. Вся эта одуряющая обстановка такъ подѣйствовала на воображеніе князя, что ему представилось, будто онъ видитъ себя на великокняжескомъ московскомъ престолѣ. Не помня себя отъ радости, онъ всматривается пристально въ видѣніе, но оно мгновенно смѣняется другимъ: князь, къ ужасу своему, видитъ, какъ его свергнули съ престола, и какъ онъ едва спасся отъ смерти бѣгствомъ.

Потомъ ему представился великій Новгородъ... Видитъ: толпы новгородцевъ идутъ навстрѣчу съ хлѣбомъ и солью, узнаетъ даже лица многихъ извѣстныхъ вельможъ. Но и это видѣніе мгновенно исчезаетъ, и Дмитрій видитъ уже себя за столомъ, пирующимъ съ друзьями. Но вотъ какое-то неизвѣстное лицо вливаетъ что-то въ вино и подноситъ ему... Князь пьетъ и умираетъ въ страшныхъ мученіяхъ.

Эта послѣдняя картина такъ поразила князя, что онъ не выдержалъ и вскрикнулъ.

Придя въ себя черезъ нѣсколько секундъ, князь увидалъ горящую лучину въ рукахъ колдуньи, которая, смотря на него, проговорила съ злорадствомъ:

— Не обезсудь, князь, если что неладное

увидѣлъ на концѣ; не виновата, самъ пожелалъ.

Князь вздрогнулъ, бросилъ кошелекъ золота на столъ и молча вышелъ.

— Погоди, проклятый! Ты у меня еще попляшешь, вспомнишь и меня,—съ дикимъ хохотомъ проговорила колдунья, вслѣдъ удалявшемуся князю.

Посѣтитель этотъ былъ князь Дмитрій Шемяка.

ГЛАВА II.

Соловей—атаманъ разбойниковъ.

Неподалеку отъ жилища вѣдьмы, въ томъ самомъ дремучемъ бору, изъ котораго съ трудомъ выбрались Шемяка съ своимъ слугой, былъ притонъ Соловья-разбойника. Своими смѣлыми набѣгами не только на окрестныхъ жителей, но даже на небольшіе отряды татаръ, онъ наводилъ повсемѣстный ужасъ, и о немъ говорили съ трепетомъ.

Подземелье, въ которомъ укрылась шайка разбойниковъ, было довольно помѣстительное, несмотря на кучи сваленныхъ въ разныхъ мѣстахъ награбленныхъ предметовъ: тутъ были и цѣнные мѣха, и дорогія ткани, ковры, и богатая домашняя утварь, золотые и серебряные кубки, чаши, блюда и разнаго рода оружіе, деньги и т. п.,—все было брошено въ безпорядкѣ и, казалось, никто не

придавалъ никакого значенія всѣмъ этимъ цѣннымъ вещамъ.

Разбойники расположились живописными группами: одни бражничали за столомъ, распивая вино и брагу, кто изъ серебрянаго кубка, а кто и изъ простого деревяннаго ковша; другіе—растянувшись на коврахъ и кутая свои грязныя ноги въ дорогіе мѣха, разсказывали другъ другу о приключеніяхъ дня; нѣкоторые примостились у разведеннаго очага и съ нетерпѣніемъ поглядывали на котелъ, въ которомъ варилась уха; а были и такіе, что спали богатырскимъ сномъ, похрапывая на все подземелье.

— А что, атаманъ, говорилъ есаулъ:— пора бы и за дѣло приниматься; вотъ уже около двухъ недѣль, какъ мы поколотили басурманъ подъ Коломенкою, да точно тѣмъ и заговѣлись. Наши ребята соскучились и просятъ дѣла.

— Что такъ больно скоро закручинился, Петруша?—отвѣчалъ атаманъ, высокій, красивый мужчина, лѣтъ 42—3:—не сами ли вы поспѣшили оставить Великій Новгородъ? Казни смертной испугались, а работы тамъ было, кажись, вдоволь... въ золотѣ хоть купайся. Такъ нѣтъ: не хотимъ проливать кровь христіанскую, пойдемъ рѣзаться съ

татарами да ляхами. Ну, вотъ, поколотили басурму татарскую, нагрѣли руки кой-чѣмъ... Да и намъ порядкомъ досталось: тоже спуску не дали, десятка два нашихъ молодцовъ таки спровадили на тотъ свѣтъ.

— Ужъ и золъ же татаринъ,—вмѣшался третій разбойникъ:—выпучитъ это свои буркулы, ощеритъ зубы, — такъ гляди въ оба, а не то такъ въ бокъ и садапетъ ножомъ, какъ досталось Митькѣ да Сенькѣ, вѣчная имъ память! — И разбойникъ набожно перекрестился.

— Эхъ, эхъ! Злая наша доля,—съ грустью прибавилъ атаманъ:—всякій кусокъ нашего хлѣба облитъ человѣческой кровью да сиротскими слезами.

— Ну, что толковать про то, что мы грабимъ да рѣжемъ,—вмѣшался въ разговоръ, сидѣвшій у костра, угрюмаго вида разбойникъ;—удивляться тутъ нечему, на то мы и разбойниками прозываемся. Не грабь да не рѣжь, такъ съ голоду вволю напляшешься; а теперь — вишь, и вино, и пиво, и денегъ вдоволь, а одежды зимней такъ на десять лѣтъ хватитъ. Однако, братцы, вотъ и уха горячая поспѣла. Прикажешь, атаманъ, разливать?

— Ѣшьте на здоровье, а я не хочу: мнѣ что-то не по себѣ. Петруша,—прибавилъ Соловей, обратясь къ есаулу,—присядь ко мнѣ да разскажи, что подѣлывается у насъ на матушкѣ святой Руси, на Москвѣ напримѣръ? Ты тамъ вѣдь часто бываешь.

Есаулъ, какъ бы нехотя повинуясь своему атаману, мѣрными шагами подошелъ къ нему и сѣлъ рядомъ на богатый персидскій коверъ.

— Да что, атаманъ, плохія дѣла творятся на святой Руси: князья сами опустошаютъ ее своею постоянною завистью и борьбою за великокняжескій престолъ. А тутъ еще тревожитъ проклятая татарва своими частыми набѣгами, и кровь христіанская льется безъ конца. Ты вѣдь, чай, слыхалъ, что великій князь помирился было съ Шемякой и поручилъ ему вмѣстѣ съ братомъ его, Димитріемъ-Краснымъ, предводительствовать огромною ратью, посланною противъ татаръ. Сила была на нашей сторонѣ, и ханъ повелъ было переговоры о мирѣ, но разсказываютъ, что это многочисленное войско вдругъ будто бы неожиданно сробѣло и обратилось въ бѣгство. Ханъ-Махмедъ воспользовался этимъ смятеніемъ, разбилъ и прогналъ нашихъ и овладѣлъ литовскимъ городомъ Бѣлевымъ. Теперь князья опять въ ссорѣ. Да, тяжелыя настали врем...

Тутъ неожиданно раздался свистъ въ лѣсу, и всѣ вскочили съ своихъ мѣстъ.

— Чу! Слышите, братцы?

— Ну, чего переполошились? Свиститъ одинъ, значитъ не опасно—замѣтилъ атаманъ и послалъ узнать о случившемся.

— Да это, атаманъ, какая-то старушенка тебя спрашиваетъ; говоритъ, что безпремѣнно надо повидать тебя; сулится что-то важное сообщить,—заявилъ посланный, вернувшись черезъ минуту.

— Старуха? Странно!.. Впрочемъ, пусть войдетъ: послушаемъ, что такое ей отъ меня нужно.

Черезъ минуту вошла къ атаману извѣстная уже намъ вѣдьма.

— Здравствуй, Соловьюшка-атаманъ! Все ли по добру по здорову?

— Здорово, старуха! Спасибо, живу помаленьку. Ну, сказывай, зачѣмъ тебя Богъ занесъ ко мнѣ?

— Да пришла, касатикъ, на тебя поглядѣть: почитай, лѣтъ десятокъ будетъ, если не больше, какъ мы съ тобой видѣлись въ послѣдній разъ.

— Что-о? Да развѣ ты, старая хрычевка, меня знаешь?

— Вѣстимо, касатикъ, знаю; коли бъ не знала, такъ и не подумала бы къ тебѣ на глаза показаться. Да и ты меня хорошо знаешь, только маленько теперь позапамятовалъ.

— Ну, говори, старая колдунья, гдѣ ты меня встрѣчала?

— Э-эхъ, Соловьюшка: развѣ не помнишь, какъ поживалъ ты у князя Юрія Дмитріевича? Какими соловьиными пѣснями заливался ты въ былое счастливое времячко!— продолжала колдунья, пристально вглядываясь въ лицо атамана.

— Какъ не помнить! То было дѣйствительно золотое времячко,—вздохнувъ, отвѣчалъ Соловей-разбойникъ.

— А не помнишь ли, какъ полюбились тебѣ черныя очи красавицы, какъ любовался ты ею, ласкалъ, цѣловалъ, какъ она тебя любила? Да позавидовали этому счастью враги твои, отняли у тебя твою возлюбленную и наругались надъ нею.

— Помню, помню... но, наконецъ, скажи же мнѣ, проклятая, кто ты и почему такъ хорошо знаешь меня и мое прошлое?

— Погоди, Соловьюшка, не горячись: ты тогда прозывался Степаномъ, а теперь, когда ты присталъ къ новгородской вольницѣ, тебя

уже стали величать Соловьемъ, должно быть, за твои соловьиныя пѣсни...

— Ахъ, замолчи! Не напоминай ты мнѣ моего настоящаго: желаніе отмстить за всѣ обиды, за всю испорченную жизнь толкнуло меня на эту ужасную дорогу,—раздраженно прибавилъ Соловей-разбойникъ.

— А вспомни, какъ ты разъ не узналъ своей красавицы и, въ припадкѣ бѣшенства, собственнаго своего сына-малютку шарахнулъ объ печь головой!

— Молчи, злодѣйка!—закричалъ атаманъ, схватя свою собесѣдницу за горло.

— Стой!—захрипѣла колдунья и съ силой вырвалась изъ рукъ атамана.—Ты не шути со мной; смотри, вѣдь и у меня есть игрушка!—И она выхватила изъ-подъ полы короткій кинжалъ.—Видишь ли, онъ не великъ, а смерть отъ него мгновенна: онъ напитанъ ядомъ черной змѣи и бѣшенаго волка. Такъ ты не шути со мной, а лучше слушай: ты золъ на Шемяку, ты ненавидишь его и поклялся мстить ему всю жизнь. Чего же ты ждешь? Тѣмъ болѣе теперь, когда всѣ дѣла и помыслы Шемяки направлены къ тому, чтобъ мутить русскій народъ и строить козни московскому князю.

— Кому ты это говоришь? Ты забываешь, что имѣешь дѣло съ разбойникомъ, съ человѣкомъ, который...

— Знаю, знаю! Но также хорошо знаю и то, что ты присталъ къ новгородской вольницѣ вовсе не изъ-за разбоя и грабежей, а за Русь православную, поддержать права законнаго князя московскаго.

— Да, да, постоимъ за правое дѣло, не хотимъ больше проливать кровь христіанскую!—въ одинъ голосъ закричали всѣ столпившіеся разбойники.

— Тогда вы должны слушаться во всемъ своего атамана и помогать ему. А ты, Соловьюшка, клянись памятью тобою же убитаго сына твоего, клянись памятью несчастной и опозоренной Анастасьи, клянись тѣмъ днемъ, когда ты покинулъ свой родной кровъ, друзей, товарищей и бросился въ толпу отважныхъ удальцевъ съ клятвою мстить и мстить за то, что отняли у тебя дорогія существа, клянись предъ всѣми твоими товарищами, что отмстишь тому, кто былъ всему тому виною!

— Клянусь! клянусь! Но провались же и ты, окаянная, за то, что подняла въ душѣ

моей всѣ эти злобныя воспоминанія!—вскричалъ атаманъ въ бѣшенствѣ.

— Не горячись: я ухожу, прощай!

Старуха скрылась, а атаманъ погрузился въ раздумье, кто могла быть эта женщина, которая такъ хорошо знала его прошлое.

Потомъ онъ потребовалъ вина и сталъ пить его какъ простую воду.

ГЛАВА III.

Инокъ-Мисаилъ.

На дворѣ стояла осень. Все было мутно-сѣраго цвѣта съ низкими, тяжелыми, влажными облаками. Въ воздухѣ чувствовалась пронизывающая насквозь сырость, потому что спорый, мелкій дождь шелъ почти безъ перерыва въ продолженіе цѣлыхъ двухъ недѣль. Старыя, полуобнаженныя деревья, поднимавшіяся изъ-за забора нѣкоторыхъ деревянныхъ домиковъ, грустно покачивали своими насквозь свѣтящимися вѣтвями съ кое-гдѣ уцѣлѣвшими и одиноко торчавшими желтовато-красными листьями, которыми за то въ изобиліи была устлана вся прилегающая сюда мѣстность, и только молодыя деревца сохранили еще свое багряно-желтое одѣяніе. На улицахъ какъ-то пусто и уныло: вѣтеръ похлопываетъ въ окна оторвавшимися ставнями, кое-гдѣ мелькаетъ усталый пѣшеходъ, торопливо направляющійся къ своему жили-

щу, продробезжать дрожки, или проскрипитъ еще какой-либо возница на своемъ доморощенномъ экипажѣ, тамъ тявкнетъ изъ подворотни собаченка съ поджатымъ хвостомъ— и опять все стихнетъ.

Но вотъ, наконецъ, вѣтеръ перемѣнился и подулъ съ юга; въ воздухѣ замѣтно потеплѣло. Разорванныя тучи и облака быстро несутся въ одномъ направленіи, точно нагоняя другъ друга. Съ одной стороны стало свѣтлѣе, и показался уголокъ голубого неба, а къ вечеру оно и все очистилось. Выкатившееся изъ-за тучъ солнце своими угасающими лучами позолотило верхи церквей, княжескихъ тереновъ и боярскихъ палатъ начинавшей процвѣтать бѣлокаменной матушки-Москвы. Все точно ожило и помолодѣло, несмотря на то, что уже надвигался вечеръ; и москвичи, какъ бы обрадовавшись прояснившемуся небу и солнышку, спѣшили покинуть свои жилища и примащивались тутъ же у своихъ домовъ на лавкахъ, вдыхая теплый, хотя все еще сыроватый воздухъ.

Неподалеку отъ нынѣшняго Китай-города сидѣлъ у своего дома сѣдой, но еще довольно бодрый и видный собою старикъ, одинъ изъ бояръ того времени. Онъ часто поглядывалъ въ сторону по направленію княжескаго те-

рема и что-то разсказывалъ почтительно собравшейся около него кучкѣ народа.

— Да,—говоритъ онъ,—что-то не слыхать и не видать нашего князя Василія Васильевича. Ужъ здоровъ ли онъ, нашъ батюшка? Бывало, частенько пируетъ у кого-либо изъ знатныхъ бояръ, а теперь, почитай, дней съ пять будетъ, какъ и огня-то почти не видать въ его княжескихъ палатахъ. Что за притча такая?

— Не все пировать, Борисъ Өедоровичъ,— замѣтилъ сосѣдъ:—въ пору подумать, какъ отъ бѣды себя оградить. Ты, чай, слышалъ, Шемяка-то съ войскомъ будто скоро опять будетъ подъ Москвой? Такъ вотъ и подумаешь, какъ тутъ быть.

— Какъ не слыхать, Иванъ Прохоровичъ! Всюду идутъ толки, что Шемяка опять повздорилъ съ нашимъ княземъ и что войны не миновать. А какъ было все улеглось за эти послѣдніе два года, какъ было все спокойно и мирно!

И дѣйствительно: прошло около двухъ лѣтъ со времени послѣдняго разсказаннаго происшествія о посѣщеніи Соловья-разбойника вѣдьмою, и за все это время Русь пользовалась относительнымъ спокойствіемъ: вражда князей между собой какъ бы замерла на время, съ татарами мы ладили, ибо исправно

платили имъ дань и никакихъ обидъ отъ нихъ не терпѣли, такъ что почти цѣлыхъ два года не было ни внутреннихъ, ни внѣшнихъ войнъ. Но вотъ (въ 1441 г.) снова поднялись тревожные слухи: стали поговаривать, что въ Новгородѣ не спокойно, что литовцы опять заспорили съ татарами, а главное, что Шемяка вновь собирается идти войной на московскаго князя.

Узнавъ объ этомъ, великій князь выступилъ съ войскомъ противъ Шемяки. Этотъ послѣдній, не надѣясь на свои силы, бросился въ Новгородъ, набралъ тамъ разныхъ бродягъ, соединился съ литовскимъ княземъ Александромъ Черторійскимъ и подступилъ къ Москвѣ, когда ни войска, ни великаго князя въ ней уже не было.

Перепуганные жители поспѣшили извѣстить о непріятелѣ свято-троицкаго игумена, отца Зиновея, который силою своихъ рѣчей успѣлъ убѣдить Шемяку отказаться отъ его намѣренія захватить великокняжескій престолъ, и Шемяка былъ до того растроганъ словами благочестиваго старца, что далъ клятву никогда больше не поднимать руки на князя Василія. Распустивъ войско свое по домамъ, Шемяка пошелъ навстрѣчу Василію. Въ десяти верстахъ отъ Москвы князья встрѣтились и помирились, прося другъ друга

позабыть всѣ непріятности. Исторія говоритъ, что Шемяка былъ потомъ настолько друженъ съ великимъ княземъ, что будто даже принималъ участіе въ нѣкоторыхъ войнахъ противъ Улу-Махмеда.

Однако, дружба эта все-таки не была прочна. Случилось разъ, что Шемяка опять за что-то озлобился на Василія и уѣхалъ изъ Москвы къ себѣ въ Галичъ съ затаенною къ нему местью въ душѣ. Поводъ къ возмущенію не замедлилъ представиться.

Заложа руки за пазуху своего богатаго зипуна, Шемяка ходилъ по своей свѣтлицѣ. Мрачно было на душѣ Дмитрія Юрьевича: честолюбіе и зависть волновали его. Къ нему вошелъ бояринъ Иванъ Лощенковъ.

— Князь Дмитрій Юрьевичъ! Тебя спрашиваетъ какой-то монахъ, отецъ-Мисаилъ; говоритъ—спѣшное и большое до тебя дѣло есть. Прикажешь ему предстать предъ твои свѣтлыя очи?

— Что ему надо?—спросилъ Дмитрій.

— Не знаю. Говоритъ — одному только князю повѣдать могу,—отвѣчалъ Лощенковъ.

Подстрекаемый любопытствомъ, Шемяка велѣлъ впустить монаха.

Монахъ, почтенной наружности, робко вошелъ въ свѣтлицу, помолился предъ иконами и, поклонясь въ поясъ хозяину, сказалъ:

— Дозволь, великій князь московскій Дмитрій Юрьевичъ, поговорить съ тобой смиренному иноку-Мисаилу.

— Рано величаешь меня великимъ княземъ: я только просто князь,—возразилъ Шемяка.

— Достоинъ быть великимъ!—сказалъ, тихо и робко озираясь вокругъ, какъ бы опасаясь чего, монахъ. Вотъ посмотри.

И съ этими словами инокъ вынулъ изъ-за пазухи большой свертокъ пергамента, на которомъ было написано завѣщаніе Василія Дмитріевича (дяди Шемяки и отца великаго князя Василія Васильевича). Покойный князь передавалъ право на великокняжескій престолъ старшему въ родѣ, т. е. Юрію Дмитріевичу, завѣщая надѣлить лишь нѣкоторыми городами малолѣтняго его сына Василія. Грамота, хотя была скрѣплена восковыми печатями, изъ которыхъ одна была великокняжеская, а прочія знатныхъ бояръ съ греческой подписью митрополита Фотія, очевидно была подложная.

Но Шемяка съ торжествомъ ухватился за этотъ документъ, который подтверждалъ его честолюбивыя притязанія на московское княжество.

Пробѣжавъ на-скоро глазами грамоту, Шемяка спросилъ монаха: какъ и гдѣ онъ могъ достать этотъ дорогой документъ?

— Не спрашивай меня о подробностяхъ, князь,—отвѣчалъ монахъ:—скажу только, что я давно предполагалъ о существованіи этой святыни и что достать ее мнѣ было не легко: она стоила жизни одному изъ вѣрныхъ твоихъ слугъ, а ихъ не мало найдется при дворѣ теперешняго великаго князя. За правду словъ моихъ и дѣла ручаются тебѣ: мой санъ и эти сѣдины.

— Благодарю тебя,—сказалъ Шемяка, обнимая старца:—ты утвердилъ во мнѣ увѣренность въ прямотѣ моего дѣла.

— Но, князь, это еще не все, что я хотѣлъ тебѣ сказать, если только позволишь.

— Говори, отецъ Мисаилъ. Я вѣрю въ чистоту твоихъ намѣреній и не сомнѣваюсь въ твоей искренности.

— Видишь ли, князь: Улу-Махмедъ страшно раздраженъ противъ великаго князя за свое изгнаніе изъ Бѣлева. Теперь онъ всячески старается расширить предѣлы своего недавно основаннаго казанскаго царства и съ радостью пойдетъ противъ великаго князя, если только ты обѣщаешь ему помощь. Къ тебѣ также охотно присоединятся недовольные князья: Борисъ Тверской и Иванъ Можайскій; и неужели такими соединенными силами ты не въ состояніи будешь возста-

новить законный тронъ, принадлежащій тебѣ по родовому праву?

Задумался Шемяка, выслушавъ отца-Мисаила. Предложеніе было слишкомъ соблазнительно, чтобъ отъ него отказаться, ибо оно вполнѣ отвѣчало его постояннымъ тайнымъ честолюбивымъ помысламъ.

Послѣ минутнаго колебанія лицо Шемяки озарилось надменнымъ, самодовольнымъ выраженіемъ и, подойдя къ монаху, онъ проговорилъ съ радостнымъ чувствомъ:

— Благодарю тебя за твое усердіе и умный совѣтъ. Повѣрь, я не забуду твоей услуги, когда буду великимъ княземъ, и сумѣю достойно отблагодарить преданныхъ мнѣ людей. А пока, въ знакъ моей признательности, прими вотъ эту вещь на память отъ меня.

И Шемяка надѣлъ на шею монаха золотой крестъ, весь усыпанный драгоцѣнными каменьями.

— Князь! я не знаю, какъ благодарить тебя за всѣ твои милости ко мнѣ. Да благословитъ тебя Богъ въ твоемъ правомъ дѣлѣ! Прощай, будь здоровъ!

И съ этими словами монахъ вышелъ.

ГЛАВА IV

Плѣненіе великаго князя и пожаръ Москвы.

Совѣтъ отца-Мисаила не пропалъ даромъ. Шемяка немедленно отправился къ казанскому царю Улу-Махмеду, показалъ ему грамоту, полученную отъ монаха, и просилъ поддержки въ дѣлѣ возстановленія его законныхъ правъ на великокняжескій престолъ.

Улу-Махмедъ, питая злобу на Василія и разсчитывая расширить свои владѣнія, согласился на просьбу Шемяки и обѣщалъ ему полное содѣйствіе.

Слѣдствіемъ этого обѣщанія было то, что Улу-Махмедъ, весною 1444 года, осадилъ старый Нижній Новгородъ и, встрѣтившись потомъ близъ Евфимьевой обители съ войскомъ великаго князя, разбилъ его и взялъ въ плѣнъ самого великаго князя Василія Васильевича.

Разграбивъ по дорогѣ нѣсколько селъ и деревень, татары расположились на ночевку

въ монастырѣ, а въ доказательство своей побѣды и плѣненія великаго князя они отправили къ его матери и женѣ снятые съ него кресты. Вѣсть эта какъ громомъ поразила жителей Москвы. Народъ толпами ходилъ по улицамъ, по Кремлю, тѣснился на площадяхъ и смутно ждалъ нашествія татаръ. Мать великаго князя, Софья, дочь знаменитаго литовскаго князя Витовта, и Марія Ярославовна, жена его, горько плакали, получивъ извѣстіе о плѣненіи великаго князя.

— Боже мой! Боже мой!—говорила Софья Витовтовна.—никогда еще этого не было, чтобъ великіе князья попадали въ плѣнъ къ непріятелю!

Марія же, взявъ на руки своихъ маленькихъ сыновей, горячо прижимала ихъ къ своей груди и думала уже не о себѣ, а о своихъ малюткахъ, которымъ судьба готовила, быть можетъ, горькую долю или даже вѣчную неволю.

Прошло пять дней со дня полученнаго извѣстія о плѣненіи великаго князя, и смятеніе въ Москвѣ принимало все большіе и большіе размѣры. Богатые люди наѣзжали изъ окрестностей и спѣшили укрыть цѣлые обозы своихъ цѣнныхъ богатствъ въ кремлевскихъ стѣнахъ, полагая, что онѣ могутъ служить достаточной защитой отъ мечей и стрѣлъ

татарскихъ. Кромѣ того, распространился слухъ, что главнымъ виновникомъ всѣхъ этихъ бѣдствій былъ все тотъ же Шемяка, который дѣйствовалъ за одно съ Улу-Махмедомъ изъ корыстныхъ побужденій—отнять московское княжество у Василія и сѣсть на его мѣсто.

Во время этого общаго смятенія по Ходынскому полю, подъ вечеръ, тихо пробирался отрядъ всадниковъ. Подъѣхавъ къ небольшому ущелью, образовавшемуся въ землѣ, вся эта ватага, по приказанію своего предводителя, слѣзла съ коней и расположилась на ночлегъ въ подземельѣ. Всадники эти были разбойники Соловья. Послѣ сытнаго ужина всѣ они скоро залегли спать, исключая атамана и его есаула Искры.

— Ты что-то невеселъ, атаманъ,—говорилъ Искра Соловью, который углемъ чертилъ на столѣ, не обращая вниманія на своего товарища-есаула.

— Нисколько,—отвѣчалъ Соловей, не поднимая головы и продолжая выводить какую-то женскую головку.

— Да полно тебѣ чертить-то по столу, вѣдь этимъ думѣ не пособишь. Что ты тамъ пишешь? Э-э! да ты никакъ нарисовалъ какую-то женскую фигуру. Ужъ не портретъ ли это твоей будущей возлюбленной?

— Пожалуйста, оставь меня въ покоѣ. Я никому не позволю надъ собой смѣяться.

— У меня и въ умѣ не было надъ тобой смѣяться, атаманъ! Я спрашиваю такъ, по-товарищески, а ты...

— Замолчи же, Искра! Я повторяю тебѣ, что не выношу ничьихъ насмѣшекъ.

— Хорошо, хорошо! Я молчу.

Послѣ продолжительнаго молчанія, длившагося, по крайней мѣрѣ, съ четверть часа, Соловей тяжело вздохнулъ, бросилъ уголь въ сторону и обратился къ своему любимцу Искрѣ съ просьбой разсказать что-нибудь.

— Да что я разскажу тебѣ, атаманъ? Право, не знаю; къ тому же ты сегодня такой странный, сумрачный какой-то.

— Не обращай, пожалуйста, на это никакого вниманія. Мнѣ дѣйствительно что-то не по себѣ.

— Въ такомъ случаѣ, отчего же ты не хочешь раздѣлить твои думы съ вѣрнымъ твоимъ товарищемъ? Ты вѣдь знаешь, что я готовъ идти за тобой въ огонь и въ воду.

— Благодарю тебя, другъ мой Искра. Знаю и вѣрю, что ты умѣешь быть преданнымъ другомъ; но въ настоящемъ случаѣ ты безсиленъ.

— Все же всякое горе съ полгоря, атаманъ, когда его есть съ кѣмъ подѣлить; ты вѣдь, надѣюсь, не станешь этого отрицать?

— Такъ, такъ! Будь по-твоему! Видишь ли, Искра, въ жизни своей я уже разъ пережилъ горькое разочарованіе въ любви и думалъ, что навсегда застраховалъ себя отъ подобнаго рода увлеченій. Но, къ сожалѣнію, я ошибся: потребность любить и быть любимымъ взаимно всегда таилась въ моей натурѣ; и вотъ, не дальше какъ вчера, въ то время какъ ты съ молодцами находился на добычѣ, я хотѣлъ дождаться вашего возвращенія, но меня такой одолѣлъ сонъ, что я, не раздѣваясь, тутъ же и заснулъ. Вскорѣ мнѣ пригрезилось, что я нахожусь въ Москвѣ, въ присутствіи прелестной, невинной молодой дѣвушки. Она хорошо знала, кто я, и не только не презирала меня, а напротивъ обращалась со мной чрезвычайно ласково и привѣтливо; въ глазахъ ея свѣтилось столько кротости, доброты и нѣжности, что я упалъ предъ ней на колѣни, и слово «люблю» невольно сорвалось у меня съ языка. Я покрывалъ ея руки горячими поцѣлуями; она тихо отстраняла мои ласки, бросая въ то же время на меня довѣрчивые взгляды, и я въ упоеніи—проснулся. Если бъ

ты зналъ, какъ тяжело было убѣдиться, что это былъ лишь одинъ сонъ! Всю остальную ночь я уже не могъ лечь...

Соловей не успѣлъ договорить, какъ дверь распахнулась, и, вся запыхавшись, вбѣжала извѣстная уже намъ колдунья. Видъ ея былъ ужасенъ: съ воспаленными глазами, съ выбившимися изъ-подъ платка всклокоченными волосами, полуприкрытая какими-то лохмотьями, она походила на безумную изъ сумасшедшаго дома.

— Чего угомонились? Спѣшите въ Кремль! Тамъ я вамъ приготовила пирушку на славу... И свѣтло и весело! А казны княжеской берите, сколько душѣ угодно. Ну, идите же!

— Что ты бредишь такое?—спросилъ атаманъ колдунью.

— Я тебѣ говорю, спѣши въ Кремль, огребай золото и поминай Шемяку.

— Да ты скажи толкомъ, въ чемъ дѣло?

Вѣдьма схватила Соловья за руку и вытащила его изъ подземелья.

— Смотри! Видишь, что дѣлается въ Кремлѣ,—сказала она, указывая на дымъ и пламя, охватившее Кремль почти со всѣхъ сторонъ.

— Что это? Никакъ пожаръ въ самомъ Кремлѣ?!

— Сѣдлать коней и въ Кремль!—закричалъ Соловей.

Вмигъ всѣ были готовы и поскакали въ Москву.

ГЛАВА V.

Пожаръ въ Кремлѣ.

Былъ уже двѣнадцатый часъ ночи, когда раздалось со всѣхъ сторонъ Кремля: «Пожаръ! Пожаръ! Горимъ!»

«Горимъ! горимъ!» кричали въ испугѣ пробужденные жители, выскакивая изъ своихъ жилищъ въ одномъ бѣльѣ и спѣша предупредить о пожарѣ родныхъ и сосѣдей.

Вскорѣ на всѣхъ колокольняхъ забили въ набатъ, и народъ толпами повалилъ въ Кремль. Вопли и крики отчаянія раздавались повсюду. Суматоха была ужаснѣйшая! Тамъ выносили на рукахъ больного, хилаго старика, почти задохнувшагося отъ дыму; здѣсь мать въ отчаяніи простирала руки впередъ, моля о спасеніи своего ребенка, оставшагося въ горящемъ домѣ; а вотъ неподалеку собралась кучка народу подлѣ бѣдной старухи-стряпухи съ опаленными волосами и страшно обожженнымъ лицомъ и руками, которая горько плакала, разсказывая, что тутъ сгорѣло все

ея имущество и пропало нѣсколько серебряныхъ монетъ, сохранявшихся въ тряпицѣ, которыя она скопила съ большимъ трудомъ и собиралась переслать своимъ роднымъ въ деревню.

Прибывавшій съ каждой минутой народъ только увеличивалъ сумятицу: правда, было не мало такихъ, которые дружно работали на пожарѣ, съ самоотверженіемъ бросаясь въ пламя и спасая все, что только можно было спасти; но большинство безучастно смотрѣло, какъ огонь пожиралъ все, что ни попадалось ему на пути. Къ тому же, по несчастью, поднялся вѣтеръ, и пламя быстро перебрасывалось съ одной крыши на другую; всѣ усилія многихъ не могли противодѣйствовать быстрому распространенію огня, жертвою котораго и стала большая часть кремлевскихъ строеній.

Въ это-то злополучное время Соловей съ своими товарищами, пользуясь всеобщимъ смятеніемъ, угонялъ на глазахъ всѣхъ огромныя, нагруженныя разными дорогими товарами, фуры (которыя богачи надѣялись скрыть въ кремлевскихъ стѣнахъ отъ ожидаемаго нашествія татаръ), въ дремучій лѣсъ (извѣстный теперь подъ именемъ Сокольничьято), а что было поцѣннѣй — зарывали въ землю.

Нѣкоторые же изъ разбойниковъ, подъ видомъ тушенія пожара, врывались въ богатые дома, грабили ихъ, а подъ-часъ и душили самихъ хозяевъ, бросая ихъ тутъ же въ огонь. Такъ велика была сила привычки жить грабежемъ и разбоемъ, что заглушала въ нихъ всѣ добрыя побужденія, не разъ просыпавшіяся въ этихъ огрубѣлыхъ натурахъ!

Народъ справедливо догадывался, что пожаръ произошелъ отъ поджога, и подозрѣніе падало на Соловья и его товарищей, но никто не могъ открыть ихъ слѣда.

Прошло дня съ три послѣ этой ужасной ночи, и москвичи, оправившись нѣсколько отъ переполоха, стали понемногу исправлять поврежденія, причиненныя пожаромъ, а также занялись постройкой сгорѣвшихъ домовъ.

Въ уцѣлѣвшемъ храмѣ Воскресенія Господня жители Москвы приносили горячія молитвы Богу о здравіи и скорѣйшемъ возвращеніи изъ плѣна ихъ любимаго великаго князя, а также о сохраненіи Москвы отъ нашествія татаръ. Во время службы по всему храму разнесся громкій шопотъ: «идетъ, дѣдушка идетъ!»

Народъ съ почтеніемъ разступился и далъ дорогу пришедшему въ рубищѣ старику. Это

былъ мѣстный юродивый, блаженный, котораго москвичи привыкли почитать и уважать за его какъ бы пророческія рѣчи. Старикъ, на своихъ дряхлыхъ ногахъ, тяжело опустился на колѣни предъ царскими вратами и, со слезами на глазахъ, сталъ горячо молиться, громко шепча слова молитвы.

Въ числѣ молящихся находился, извѣстный въ то время Москвѣ своими добрыми дѣлами, торговецъ Иванъ Ѳедоровичъ Мѣшковъ, съ своею женою и дочерью Марьей. Машѣ едва ли было 16 лѣтъ. Она была красавица и по справедливости считалась завидной невѣстой.

Тутъ же, въ церкви стоялъ старинный пріятель его, Иванъ Дмитріевичъ Гуськовъ, съ сыномъ своимъ Петрушей, красивымъ, молодымъ человѣкомъ лѣтъ 19. Этотъ послѣдній, украдкою, часто посматривалъ въ сторону Маши, потому что она давно уже сильно нравилась ему, и онъ любилъ ее со всею пылкостью своихъ юныхъ лѣтъ. Въ сторонѣ, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ Петруши стоялъ еще одинъ изъ молящихся, въ платьѣ зажиточнаго иногородняго торговца. Онъ выглядѣлъ уже пожилымъ человѣкомъ, но черты лица его были пріятны, несмотря на огрубѣлость и загаръ кожи, которые ясно свидѣтельствовали о томъ, что человѣкъ этотъ

большую часть своей жизни провелъ подъ открытымъ небомъ. Онъ все время тоже не сводилъ глазъ съ Маши, шепча въ упоеніи, что онъ вотъ точно видитъ ту самую дѣвушку, которая пригрезилась ему разъ во снѣ.

По окончаніи обѣдни всѣ стали мирно расходиться по домамъ, и вышеупомянутые торговцы, выходя изъ церкви, поздоровались и разговорились между собой.

— Мое почтеніе, Иванъ Дмитріевичъ! Какъ милуетъ Господь?

— Какъ видишь, батюшка, Иванъ Ѳедоровичъ, живу себѣ помаленьку, торгую. Вотъ только третій день, какъ вернулся изъ Ростова и съ ужасомъ увидалъ, что только сотворилось у насъ на Москвѣ!

— Что дѣлать, Иванъ Дмитріевичъ! Видно прогнѣвали мы Господа Бога, что Онъ наслалъ на насъ такія бѣды: князя нашего татары полонили, разбойники сожгли Кремль и ограбили многихъ жителей; того и гляди, что еще татары нагрянутъ въ Москву.

— А пусть ихъ нагрянутъ, Иванъ Ѳедоровичъ! Имъ же будетъ хуже: было время, что они были намъ страшны; бывало, на колѣняхъ съ хлѣбомъ-солью ихъ встрѣчали, а теперь мы стали посильнѣй и сумѣемъ за себя постоять.

— Охъ, не говори этого, Иванъ Дмитріевичъ! Просто сердце кровью обливается, какъ подумаешь, какая начнется рѣзня, если, храни Богъ, татары и впрямь пожалуютъ къ намъ. А всему причиной, говорятъ, князь Шемяка: онъ, вишь, будто домогается стать московскимъ княземъ... Однако, Иванъ Дмитріевичъ, какъ мы съ тобой заговорились: народъ-то, почитай, ужъ весь разошелся, пора и намъ по домамъ.

И пріятели простились и разошлись въ разныя стороны.

Пока разговаривали старики, удалось перекинуться нѣсколькими словами и молодежи, и Маша вернулась къ себѣ въ свѣтлицу вся сіяющая отъ счастья.

Иванъ Өедоровичъ, войдя въ свои покои и помолившись на иконы, только что хотѣлъ садиться за приготовленный обѣдъ, какъ вошелъ юродивый Сеня, котораго мы ужъ разъ видѣли въ церкви.

— Здравствуй, Сеня! — воскликнули всѣ домашніе.

— Здорово, — отвѣчалъ юродивый.

— Благослови, Сеня, нашу трапезу, да не побрезгуй, садись отвѣдать нашей хлѣба-соли: чѣмъ богаты, тѣмъ и рады.

— Богъ благословитъ! Спасибо, спасибо, — отвѣчалъ юродивый, не садясь за столъ.

— Разскажи намъ, Сеня, что-нибудь,— сказала Маша.

— Да что сказать-то? Придетъ къ тебѣ гость толковитый... въ крови руки, слезъ пустилъ рѣку... плачутъ отъ него люди. А какія длинныя руки! У! у! у! отъ Новгорода до Москвы протянулись! Смотри, Ваня, не принимай такого гостя, не продавай товара... А мы съ тобой Богу помолимся...

— Я, Сеня, и такъ сейчасъ отъ обѣдни,— отвѣчалъ Иванъ Ѳедоровичъ.

— Знаю, знаю! Видѣлъ тебя съ семействомъ; Богу молиться никогда не грѣхъ. Вишь, нынѣ времена какія! Князь въ плѣну,— прибавилъ юродивый, тяжело вздохнувъ.

— Такъ что же, дорогой гостьюшка, не отвѣдаешь нашей хлѣба-соли?—сказала жена Ивана Ѳедоровича.

— Я что за гость?—отвѣчалъ юродивый:— а вотъ къ вамъ скоро нагрянетъ гость—желѣзный костыль, большая палица. Хочешь не хочешь, а ломай шапку, доставай деньги, а то подчасъ и пешу достанется, а иную пору и душа съ тѣломъ разстанется.

— Видно, Сеня на Шемяку намекаетъ,— шепнула жена Ивану Ѳедоровичу.

— А ты, знай, уповай на Господа Бога,— замѣтилъ ей Сеня.—Все перемелется—мука

будетъ. Прощай, Валя, спасибо за ласку. Прощайте, добрые люди!

И юродивый вышелъ изъ покоевъ Ивана Өедоровича.

Послѣ обѣда Мѣшковъ легъ отдохнуть, размышляя о всемъ сказанномъ юродивымъ.

Вечеромъ, когда все семейство Ивана Өедоровича сидѣло за чаемъ, кто-то постучался въ дверь, а затѣмъ вошелъ тотъ самый пріѣзжій купецъ, который такъ сильно засматривался на Машу въ церкви.

— Здравствуй, Иванъ Өедоровичъ!—сказалъ вошедшій, помолясь иконамъ и кланяясь хозяину.

— Добро пожаловать, добрый человѣкъ!— отвѣчалъ хозяинъ.—Садись, да объясни причину твоего посѣщенія. Я что-то позапамятовалъ твою милость.

— Не мудрено, Иванъ Өедоровичъ, что ты не узналъ меня: чай, мальчикомъ еще видѣлъ меня при моемъ отцѣ. Помнишь ли Ефима Александровича Губанова? Такъ я сынъ его. Старикъ-то мой больно старъ сталъ да плохъ...

— Губановъ? — прибавилъ въ восторгѣ Иванъ Өедоровичъ.—Такъ ты не Митя ли? Такой еще маленькій карапузикъ былъ.

— Такъ, точно, я самый и есть,—отвѣчалъ незнакомецъ.

— Голубчикъ ты мой!—вскрикнулъ Иванъ Өедоровичъ, обнимая сына своего стариннаго друга.—Живъ ли, здоровъ ли мой старый товарищъ?—продолжалъ разспрашивать Иванъ Өедоровичъ, не предчувствуя бѣды отъ нежданнаго самозванца.

— Слава Богу, живъ, только слабъ и дряхлъ становится старикъ. Мы пріѣхали поклониться преподобному Сергію и хотѣли заѣхать въ Москву; да какъ прослышали, что Москва горитъ, и много погибло народу, отецъ и побоялся ѣхать, и послалъ меня одного кончить кой-какія дѣла да велѣлъ зайти къ тебѣ поклониться и попенять, что ты не ведешь больше съ нимъ никакихъ торговыхъ дѣлъ.

— Я самъ, батюшка мой, Дмитрій Ефимовичъ, не былъ въ Новгородѣ никакъ съ моровой язвы. Вишь, какія нынѣ времена! По дорогѣ шатаются татары, разбойники и нашего брата-купца частенько-таки обчищаютъ какъ липку.

— Слыхать—слыхали; только насъ съ батюшкой Богъ миловалъ: никто не попадался,—отвѣчалъ Дмитрій Ефимовичъ.

— Жаль, что старикъ сюда не заѣхалъ! То-то бы обрадовалъ меня! Много мы на своемъ вѣку передѣлали съ нимъ дѣлъ! А потомъ, какъ-то за всѣми этими смутами,

моровой язвой и вольницей новогородской, шатающейся по дорогамъ, и поотстали другъ отъ друга.

— Чуть было не позабылъ тебѣ передать, что батюшка приказалъ усердно просить тебя, Иванъ Өедоровичъ, повидаться съ нимъ насчетъ какого-то дѣла. Не поѣдешь ли ты къ Троицѣ поклониться преподобному Сергію и кстати свидѣлся бы съ моимъ отцомъ?

— Время опасное, Дмитрій Ефимовичъ! Отчего бы не поклониться Сергію чудотворцу? Дѣло хорошее! Да какъ бы не вернуться домой къ пустому мѣсту: того и гляди, что татары нагрянутъ въ Москву.

— Про нихъ мы всю дорогу ничего не слыхали; а вотъ говорятъ про Шемяку, будто онъ всему виною, что и великій-то князь попалъ въ плѣнъ по его милости. А впрочемъ, можетъ и такъ, зря, болтаютъ. Ну, такъ какъ же, Иванъ Өедоровичъ: ѣдешь ты поклониться святому угоднику Сергію и кстати повидаться съ моимъ отцомъ, или рѣшительно отказываешься?

Крѣпко задумался Иванъ Өедоровичъ.

— Не прочь былъ бы, Дмитрій Ефимовичъ, и святому угоднику поклониться, не прочь бы и съ твоимъ батюшкой повидаться, если бъ не страхъ: теперь и дома сидишь, да и то дрожишь... Самъ посуди: ужъ если ве-

ликаго князя не пощадили—взяли въ плѣнъ, такъ чего же намъ ждать?

— Правда, Иванъ Өедоровичъ! Но надобно помнить и то, что нами управляетъ Господь и что все въ Его святой волѣ.

— Это ты справедливо говоришь, Дмитрій Ефимовичъ! Безъ Бога ничего не можетъ случиться: ѣдемъ! Въ самомъ дѣлѣ, хорошо помолиться угоднику Божію! Авось, Богъ милостивъ, съѣздимъ благополучно. Ужо, вечеромъ, я велю запрягать и поѣдемъ.

Дмитрій Ефимовичъ, сынъ новгородскаго купца — былъ Соловей, атаманъ разбойниковъ.

Получивъ согласіе Ивана Өедоровича, онъ простился съ нимъ и вышелъ подъ предлогомъ различныхъ своихъ дѣлъ.

ГЛАВА VI.

Нападенiе.

— Что новаго?—спросилъ Искра Соловья, подъѣхавшаго къ землянкѣ, гдѣ кочевала вся разбойничья шайка.

— А вотъ что: отряди двѣнадцать надежныхъ молодцовъ, вели имъ одѣться въ татарское платье, и сегодня же вы должны всѣ засѣсть на пути къ Троицѣ—близъ Ключевого колодца; когда подъѣдетъ повозка, въ которой буду сидѣть я съ однимъ купцомъ, вы вмигъ должны остановить ее. Съ купцомъ дѣлайте, что хотите, только, конечно, не мучить и не посягать на его жизнь!.. А можете привязать его къ дереву и оставить такъ; меня же на его глазахъ схватите подъ предлогомъ плѣна; да еще распорядитесь захватить для меня лошадь.

— Хорошо, атаманъ, все будетъ исполнено въ точности.

Разбойники перерядились татарами и верхомъ помчались къ указанному мѣсту, а Соловей поспѣшилъ вернуться къ Мѣшкову, съ которымъ вмѣстѣ подъ вечеръ и выѣхалъ на богомолье въ Троицкую лавру. Лошади были сытыя, дорога торная, и наши путешественники ѣхали довольно скоро, мирно разговаривая между собой.

Наступила ночь, когда они подъѣхали къ роковому мѣсту, гдѣ засѣли разбойники.

Вдругъ по лѣсу раздался свистъ. Иванъ Ѳедоровичъ вздрогнулъ и оглянулся.

— Что ты, Иванъ Ѳедоровичъ?—спросилъ Соловей-разбойникъ.

— Неладно что-то, пріятель. Кто-то свиститъ. Вася, гони живѣе лошадокъ!—крикнулъ купецъ своему работнику, правившему лошадьми.

— Что ты, Иванъ Ѳедоровичъ, это должно тебѣ такъ показалось,—замѣтилъ Соловей, стараясь успокоить Мѣшкова.

Но свистъ становился все яснѣе и яснѣе. Наконецъ, изъ-за опушки лѣса показались всадники. Купецъ пришелъ въ ужасъ.

— Такъ и есть!—крикнулъ онъ въ отчаяніи.—Чуяло мое сердце. Охъ, Господи милосердный! За нами, такъ и есть за нами! Гони, Вася, голубчикъ, лошадокъ! Гони скорѣй!

Работника нечего было просить объ этомъ: онъ самъ, полуживой отъ страха, погналъ со всей мочи лошадей.

— Стой! Ни съ мѣста!—крикнулъ есаулъ Искра.

Но оторопѣвшій и испуганный Вася не слушалъ приказанія его и продолжалъ гнать лошадокъ.

— Вотъ тебѣ, ослушникъ, за это!—крикнулъ взбѣшенный Искра, и тяжелый кистень влѣпился въ голову малаго.

Вася упалъ безъ чувствъ.

— Ну, почтенные, распоясывайтесь!—сказалъ одинъ изъ разбойниковъ ломанымъ русскимъ языкомъ, подойдя къ сидѣвшимъ въ повозкѣ купцу и Соловью.

Первый безпрекословно повиновался, отдавъ кошель съ деньгами, а Соловей выказалъ притворное сопротивленіе.

— Да что, братцы, долго церемониться съ этимъ народомъ! Берите этого стараго чорта да вяжите его къ осинѣ!—закричалъ есаулъ своимъ подчиненнымъ.

Два разбойника схватили полумертваго отъ страха Ивана Ѳедоровича и поволокли въ лѣсъ къ большому дереву, къ которому и привязали его, строго-настрого запретивъ ему кричать, угрожая въ противномъ случаѣ забить ему клинъ въ ротъ. Связаннаго же

атамана, будто силою, посадили верхомъ на лошадь и, окруживъ его со всѣхъ сторонъ, помчались къ Москвѣ.

Бѣдный купецъ, крѣпко прикрученный къ дереву, не могъ пошевельнуться, всѣ члены его онѣмѣли; но онъ рѣшился звать на помощь, лишь когда наступило утро. По счастью это было недалеко отъ дороги, по которой въ это время ѣхалъ изъ ближайшаго села одинъ старикъ-поселянинъ. Онъ прибѣжалъ на крикъ Ивана Ѳедоровича и съ большимъ трудомъ развязалъ ременныя вожжи, которыми былъ привязанъ несчастный. Купецъ въ короткихъ словахъ разсказалъ своему избавителю, какъ напали на него татары, ограбили, работника его чуть не убили до смерти, а товарища-попутчика увезли въ плѣнъ.

Усадивъ Ивана Ѳедоровича въ телѣгу, старикъ осмотрѣлъ рану бѣднаго Васи, промылъ ее водой изъ ближняго ключа, обвязалъ листьями какой-то травы и, уложивъ его также въ телѣгу, бережно привезъ пострадавшихъ къ себѣ въ избу. Иванъ Ѳедоровичъ на другой же день оправился и поспѣшилъ къ себѣ въ Москву, въ свой домъ, оставивъ Васю на попеченіе добраго старика.

Послѣ того, какъ разбойники совершили свое неприглядное дѣло, они изо всей мочи

погнали своихъ скакуновъ и до зари еще прибыли въ свой притонъ, гдѣ и расположились на отдыхъ. Атаманъ, не теряя времени, тутъ же отрядилъ нѣсколько удальцовъ подъ командою второго храбреца-есаула и послалъ ихъ въ домъ посадскаго купца Ивана Ѳедоровича Мѣшкова, съ приказаніемъ похитить во что бы то ни стало дочь его Машу и вернуться обратно съ добычей къ назначенному часу. При этомъ отдалъ еще приказъ, чтобы тройка рысистыхъ лошадей была запряжена въ колымагу и дожидалась бы его дальнѣйшихъ распоряженій.

— Кажется, не дѣло затѣваешь, атаманъ!— сказалъ одинъ изъ разбойниковъ: —что за срамъ вязаться тебѣ съ бабой?

— Что-о? Я—не дѣло?.. Кто этотъ смѣльчакъ, что такъ дерзко осмѣливается упрекать меня въ моихъ поступкахъ?—крикнулъ атаманъ, и глаза его сверкнули недобрымъ огонькомъ.

— Я,—отвѣчалъ молодой разбойникъ, смѣло выступая впередъ изъ среды своихъ товарищей.

— Ты? Такъ вотъ тебѣ на память за это!— И Соловей однимъ ударомъ арапника залилъ кровью все лицо и шею несчастнаго, который тутъ же, какъ снопъ, повалился безъ чувствъ на землю.

— Если самъ не можешь быть атаманомъ, такъ впередъ не учи старшихъ себя!—продолжалъ кричать взбѣшенный Соловей.

Такова была строгость разбойничьяго устава.

Разбойники подняли своего окровавленнаго товарища и положили на койку, заботливо обмывъ кровь на лицѣ и шеѣ, послѣ чего онъ вскорѣ и очнулся.

ГЛАВА VII.

Похищенiе Маши.

Домъ Ивана Өедоровича Мѣшкова былъ деревянный, со всѣхъ сторонъ обнесенный досчатымъ заборомъ. Разбойники тихо подъѣхали къ задней сторонѣ его и осторожно, съ помощью веревочной лѣстницы, спустились внутрь посадскаго двора. Затѣмъ они обошли весь домъ, тщательно присматриваясь и стараясь понять расположенiе всѣхъ комнатъ и, наконецъ, сквозь щель одной ставни они увидали мерцанiе лампадки, которая слабо освѣщала свѣтелку крѣпко спавшей молодой дѣвушки. Они осторожно сняли ставни съ петель, вынули раму изъ окна, и есаулъ быстро очутился въ комнатѣ красавицы. Прежде, чѣмъ она успѣла крикнуть и понять въ чемъ дѣло, онъ мигомъ завязалъ ей ротъ платкомъ, завернулъ въ одѣяло и вынесъ несчастную, впавшую въ безпамятство, изъ родительскаго дома и черезъ ограду передалъ ее другому разбойнику, стоявшему

на караулѣ, а самъ съ остальными отправился въ домъ за наживой.

Тамъ они безъ труда перевязали всѣхъ домашнихъ, которые съ просонку не могли сразу опомниться. Въ нѣсколько минутъ они успѣли обобрать дорогіе оклады съ иконъ и выкрасть много цѣнныхъ вещей, съ которыми и вышли спокойно изъ дома тѣмъ же путемъ, которымъ и вошли.

Маша, очнувшись черезъ нѣсколько времени, тщетно силилась освободиться изъ рукъ разбойника: онъ крѣпко держалъ ее. Грубый крикъ, ругательства и насмѣшки, раздававшіеся со всѣхъ сторонъ, сперва привели ее въ ужасъ, а потомъ она опять впала въ безпамятство.

Въ такомъ видѣ доставили ее Соловью въ подземелье. Запряженная колымага стояла наготовѣ, и атаманъ, вскочивъ въ нее, осторожно уложилъ подлѣ себя безчувственную Машу.

— Если будутъ какія новости, то дать мнѣ знать въ «Гнилое Болото!»—крикнулъ атаманъ.

И колымага быстро покатилась въ сопровожденіе трехъ человѣкъ, изъ которыхъ одинъ сѣлъ на козлы, а два остальныхъ ѣхали по бокамъ повозки.

ГЛАВА VIII.

Возвращеніе Ивана Θедоровича и Маши домой.

Пробывъ нѣсколько часовъ въ дорогѣ, слабый, разстроенный старикъ-Мѣшковъ, наконецъ, добрался до своего дома.

На шумъ подъѣхавшей повозки выбѣжалъ одинъ изъ служителей посадскаго и поспѣшилъ отворить ворота своему хозяину, не мало удивившись тому, что тотъ такъ скоро вернулся домой.

— Добро пожаловать, хозяинъ!

— Здравствуй, Никанорушка! Все ли дома благополучно?

— Не совсѣмъ, хозяинъ,—отвѣчалъ, нѣсколько смутившись, молодой парень.

— Что же случилось?—удивленно спросилъ Иванъ Θедоровичъ.

— А вотъ тебѣ разскажетъ сама хозяюшка,—отвѣчалъ Никаноръ, робко взглядывая

на Ирину Дмитріевну, которая въ это время, вся въ слезахъ, шла навстрѣчу своему мужу.

— Что ты, что съ тобой, Ирина? Бога ради, скажите же, наконецъ, что случилось? Или Маша заболѣла? Да что это ея не видать?

— Охъ, Иванъ Ѳедоровичъ, соколикъ ты нашъ! Наше горе хуже всякой болѣзни... Машенька-то наша... Увезли вѣдь ее, нашу голубушку,—захлебываясь отъ слезъ, отвѣчала Ирина Дмитріевна.

— Что-о? Увезли?.. Какъ увезли?.. Кто?.. Когда?—растерянно спрашивалъ Иванъ Ѳедоровичъ, сразу не сообразивъ всего ужаса сообщеннаго извѣстія.

Ирина Дмитріевна отъ слезъ долго не могла выговорить ни слова.

— Вся эта бѣда... стряслась надъ... нами... въ ту же ночь, когда мы проводили тебя къ Троицѣ, — начала, наконецъ, разсказывать Ирина Дмитріевна, продолжая всхлипывать:— разошлись мы рано по своимъ горницамъ и залегли спать. Только вдругъ ночью слышу крикъ Кондратьевны: «Воры! Разбойники! Душатъ! Рѣжутъ! Грабятъ!» Не успѣла я вскочить съ постели, какъ чьи-то руки схватили меня, повалили на постель и затѣмъ

крѣпко связали мнѣ руки и ноги. Тутъ ужъ я не помню, что было..

Но Иванъ Өедоровичъ давно уже не слыхалъ ни слова, что разсказывала жена: пораженный, какъ громомъ, этимъ извѣстіемъ, онъ зашатался и, какъ снопъ, повалился на лавку, безжизненно свѣсивъ голову и руки, и навѣрно свалился бы на полъ, если бъ не подхватилъ его подъ руки Никаноръ. Ирина Дмитріевна совсѣмъ растерялась.

— Воды! Помогите! Умираетъ!—крикнула она надтреснутымъ голосомъ и тяжело опустилась на лавку подлѣ своего мужа.

На крикъ ея сбѣжались всѣ домашніе: кто прыскалъ больного водой, кто теръ виски уксусомъ, кто давалъ нюхать спиртъ. Наконецъ, Иванъ Өедоровичъ вздохнулъ и открылъ глаза. Ирина Дмитріевна вся просіяла и начала ласково успокоивать своего мужа, говоря ему въ утѣшеніе, что гонцы посланы во всѣ стороны на поиски ихъ бѣдной дочурки, и что похитили ее не съ тѣмъ же, чтобъ лишить жизни.

— Разбойники, мало того, что вмѣстѣ съ Машей забрали у насъ все, что только было цѣннаго въ домѣ, безбожники не постыдились даже содрать ризы съ образовъ, предварительно перевязавъ насъ всѣхъ, до единой души. Потомъ, уходя, они заперли наружныя

двери. Еще благодаримъ Господа, что Борисъ Никитичъ подоспѣлъ во-время отпереть двери и развязать насъ, а то бы, кажется, всѣмъ намъ помереть съ голоду,—продолжала разсказывать Ирина Дмитріевна.

— Дѣлать нечего, видно такъ Богу угодно!.. Пойду, однако, къ Борису Никитичу, потолкуемъ съ нимъ вмѣстѣ—не придумаетъ ли онъ, какъ лучше дѣйствовать?

И, набожно перекрестившись, Иванъ Өедоровичъ вышелъ изъ дому.

Между тѣмъ Соловей быстро катилъ съ Машей къ «Гнилому Болоту». Маша прежде была въ безпамятствѣ, потомъ на минуту пришла было въ себя, но, взглянувъ на незнакомца, который ее сопровождалъ, и понявъ, что ее везутъ куда-то далеко отъ родного гнѣзда, она залилась горькими слезами и затѣмъ опять впала въ безчувственное состояніе.

Долго ли она оставалась въ такомъ положеніи—неизвѣстно; только, когда она очнулась, она увидала, что лежитъ на соломѣ, въ ветхой избушкѣ и подлѣ нея, наклонясь, стоитъ на колѣняхъ какая-то старуха и силится влить ей что-то въ ротъ.

— Что это? Гдѣ я? Господи Іисусе!..— оглядываясь кругомъ и крестясь, говорила Маша, увидавъ себя въ незнакомомъ мѣстѣ.

— Что, дочка, оглядываешься? Ничего, ничего, красавица! Не бойся, не погублю тебя, ты у доброй старухи,—ласково говорила наша старая знакомая вѣдьма:—не дамъ хищнику посмѣяться надъ тобой; не дѣло ему губить дѣвичью молодость, красоту да невинность... На-ка, выпей, голубка, этого снадобья: легче станетъ.

— Про кого это ты говоришь, бабушка?— покорно выпивая лѣкарство, спросила дѣвушка, не понимая, о комъ идетъ рѣчь.

— Послѣ, послѣ! А теперь не говори много, дочка,—вредно; ты вѣдь только что, слава Богу, пришла въ сознаніе; почитай цѣлыхъ девять дней лежала въ горячечномъ бреду, не принимая никакой пищи, и я ужъ не чаяла видѣть тебя живою,—такъ ты, сердечная, рвалась и металась во всѣ стороны, говоря несвязныя рѣчи! Даже жутко становилось, какъ ты звала на помощь и старалась убѣжать, спасаясь отъ воображаемаго врага. На-ка, голубка, выпей еще винца для подкрѣпленія.

Прошло нѣсколько дней. Силы молодой дѣвушки замѣтно возстановлялись съ каждымъ днемъ. Старуха относилась къ ней при-

вѣтливо и даже ласково, такъ что Маша совсѣмъ привыкла къ своей неожиданной покровительницѣ и съ довѣрчивостью разсказала, кто ея родители и гдѣ они живутъ.

— Бабушка, милая! Сходи ты, ради Христа, къ моимъ батюшкѣ съ матушкой, или дай имъ какъ-нибудь знать, что я у тебя. Вѣдь они, бѣдные, чай, стосковались по мнѣ, а можетъ даже и вовсе считаютъ меня мертвой,—говорила Маша, ласкаясь къ колдуньѣ.

— И-и, дочка! Гдѣ мнѣ добраться до Москвы? Я становлюсь стара, все что-то не можется, всѣ кости ломитъ; да я позабыла, какъ и Москва-то стоитъ.

Дѣвушка сильно разогорчилась отказомъ старухи и расплакалась. Долго не могла успокоить ее эта послѣдняя, пока Маша, обезсиленная отъ слезъ, тутъ же и не заснула, продолжая, какъ ребенокъ, изрѣдка всхлипывать во снѣ.

Прошло еще дня съ три. Дѣвушка совсѣмъ оправилась и чувствовала себя совершенно здоровой. Старуха продолжала обходиться съ ней ласково.

— Слушай, дитятко,—сказала разъ колдунья:—можетъ быть, мы скоро разстанемся съ тобой; такъ не поминай меня лихомъ.

Въ жизни моей, голубка, всего было: было и хорошее, было и дурное. Да! Много я, горемычная, видѣла на своемъ вѣку горькаго! Много, очень много! Да и теперь еще за многое плачусь... А впрочемъ, и на мою долю выпало не мало красныхъ дней, это— когда въ первый разъ пришлось полюбить. Ты, можетъ быть, дитятко, не знаешь, сколько радости и горя заключается въ одномъ этомъ словѣ! Ты любила ли кого когда-нибудь?

— Я люблю батюшку съ матушкой,— наивно отвѣчала Маша.

— То-то, родная, я и сама такъ думаю, видя, какъ ты ѣшь и спишь покойно. Это значитъ, что тебя еще не крушили добрые молодцы, какъ меня полонили съ 15 лѣтъ; а и тебѣ, красавица, помяни мое слово, не обойти, не объѣхать своей судьбы: не одинъ разъ въ жизни придется тебѣ испытать недоброе, только не кручинься много: все перемелется—мука будетъ, и ты въ концѣ-концевъ заживешь счастливо.

Странно, что колдунья, очерствѣвшая настолько душой, что способна была даже на преступленія, чувствовала невольное влеченіе къ своей временной питомицѣ и всячески ломала себѣ голову, придумывая, какъ бы спасти свою любимицу отъ насилія, грозив-

шаго ей въ недалекомъ будущемъ, но прямо отпустить дѣвушку не рѣшалась, боясь мщенія со стороны Соловья-разбойника.

Подойдя однажды къ Машѣ, она сунула ей въ руку небольшой кинжаликъ, оправленный въ серебро съ чернью, и сказала:

— Спрячь, красавица, эту вещицу на случай опасности; ножъ этотъ не великъ, но лезвее его пропитано такимъ сильнымъ ядомъ, что достаточно малѣйшей царапины, чтобъ отправить кого угодно на тотъ свѣтъ.

Дѣвушка послушно взяла подарокъ и спрятала его у себя на груди...

Здѣсь слѣдуетъ разсказать, какъ очутилась Маша подъ кровомъ вѣдьмы, когда Соловей увозилъ ее въ свой притонъ «Гнилое Болото».

Послѣ пожара Москвы въ народѣ упорно держался слухъ, что Москва была подожжена шайкой Соловья съ цѣлью грабежа. Богатые граждане, болѣе всего пострадавшіе отъ этого пожара, дѣятельно принялись за розыски. Соловей съ своими товарищами долженъ былъ остерегаться.

Въ то время, какъ онъ мчался съ похищенной Машей, по дорогѣ изъ лѣсу выбѣжала извѣстная намъ колдунья и замахала платкомъ. Соловей, узнавъ въ ней свою старую знакомую, велѣлъ остановиться.

Приблизившись къ колымагѣ, старуха увидала лежавшую въ ней безъ чувствъ молодую, красивую дѣвушку, сердце у ней сжалось на минуту (вѣроятно, она вспомнила свои молодые дни), и она рѣшилась спасти несчастную отъ ожидавшей ее позорной участи.

Колдунья посиѣшно разсказала Соловью, что ихъ тщательно разыскиваютъ и частью уже успѣли напасть на ихъ слѣдъ, а потому теперь небезопасно укрывать у себя въ притонѣ похищенную дѣвушку, и убѣдила его пока пріютить ее на время въ ея избушкѣ, тѣмъ болѣе, что дѣвушка находится въ такомъ безнадежномъ состояніи и требуетъ немедленной помощи и женскаго попеченія.

Послѣ минутнаго колебанія Соловей рѣшился послѣдовать совѣту вѣдьмы и свернулъ въ сторону, по направленію къ ея жилищу. Тамъ, сдавъ Машу на руки старухи, Соловей строго приказалъ беречь и смотрѣть за ней, грозя въ противномъ случаѣ вздернуть ее, колдунью, на веревку, если она только выпуститъ пойманную птицу на свободу, или вообще такъ или иначе измѣнитъ ему. Сунувъ ей нѣсколько червонцевъ на время пребыванія и лѣченія своей предполагаемой возлюбленной, Соловей поспѣшилъ укрыться въ одну изъ лѣсныхъ трущобъ, откуда послалъ гонца предупредить остальныхъ

товарищей, чтобы сами спасали свои головы, такъ какъ ихъ всюду ищутъ.

Колдунья раздѣла больную и, уложивъ ее на свѣжей соломѣ, стала приводить ее въ чувство всевозможными домашними средствами.

Маша хотя и очнулась, но тутъ же впала въ горячечный бредъ, не сознавая своего положенія. Она цѣлыхъ 9 дней была между жизнью и смертью; однако, молодость восторжествовала и, какъ извѣстно, Маша послѣ перелома болѣзни быстро стала оправляться. Но не на радость она выздоровѣла: ее вскорѣ силою перевезли въ одинъ изъ разбойничьихъ притоновъ Соловья, гдѣ этотъ, послѣдній окружилъ ее возможною роскошью и удобствомъ. Маша ни на что не обращала вниманія, цѣлые почти дни проводила въ слезахъ и отказывалась принимать пищу, такъ что въ нѣсколько дней опять сильно похудѣла и поблѣднѣла. Соловей сначала терпѣливо ухаживалъ за нею, разсчитывая тронуть ее своей добротой и лаской и заставить себя полюбить; но видя, что дѣвушка упорно отказывается отъ всѣхъ его заботъ и попеченій и явно выказываетъ ему свое отвращеніе, онъ сталъ терять терпѣніе и разъ, съ свойственною ему необузданностью, хотѣлъ силою овладѣть ею, но дѣвушка бы-

стро выхватила кинжалъ, съ которымъ она не разставалась съ тѣхъ поръ, какъ получила его въ подарокъ отъ колдуньи, и крикнула, что она тутъ же, на его глазахъ, лишитъ себя жизни, если только онъ коснется ея.

Лицо Маши горѣло такой рѣшимостью, что Соловей невольно отступилъ, еще болѣе залюбовавшись на нее. Онъ понялъ, что этотъ ребенокъ-женщина способна исполнить свою угрозу и что силою тутъ ничего не подѣлаешь.

— Успокойся, красавица! Спрячь свою опасную игрушку; тебя здѣсь никто не тронетъ, не обидитъ. Развѣ ты не поняла, что я шутилъ и хотѣлъ только видѣть, какова ты въ гнѣвѣ? — притворно успокоивалъ взволнованную дѣвушку Соловей.

Къ счастью Маши, на другой же день, онъ получилъ увѣдомленіе отъ своего есаула Искры, по которому ему пришлось немедленно отлучиться на нѣсколько дней. Уѣзжая, онъ далъ строгій наказъ смотрѣть за дѣвушкой въ оба, поручивъ ее главнымъ образомъ старшему по себѣ.

Маша вздохнула свободнѣй, когда узнала, что ненавистный ей ухаживатель уѣхалъ от-

сюда на нѣсколько дней, бывъ вызванъ по дѣлу Исарой, и терпѣливо переносила свое заключеніе. Первыя четверо сутокъ прошли въ строгомъ надзорѣ за всѣми дѣйствіями Маши; но, увидавъ, что она относится безучастно ко всѣмъ этимъ строгостямъ и не выказываетъ ни малѣйшей попытки къ перемѣнѣ образа своей жизни, разбойники почти перестали на нее обращать вниманіе и занялись своими пирушками въ ожиданіи атамана.

Но вотъ на пятый день, подъ-вечеръ, невдалекѣ послышался какой-то необычный шумъ, который заставилъ встрепенуться всѣхъ находившихся въ подземельѣ, и когда нѣсколько человѣкъ выбѣжало узнать, что не возвратился ли то ихъ атаманъ, они поражены были ужасомъ, увидавъ, что притонъ ихъ открытъ и окруженъ со всѣхъ сторонъ цѣпью ратныхъ людей, раскинувшеюся на большое пространство.

Нечего было и думать о возможности спасенія бѣгствомъ, а тѣмъ болѣе вступать въ неравный бой, такъ какъ въ этомъ притонѣ было не болѣе человѣкъ 12, и они рѣшились сдаться безъ всякаго сопротивленія.

Всѣ они были заключены въ тюрьму и впослѣдствіи все-таки казнены смертью по строгимъ законамъ того времени, а Маша

подъ сильной охраной препровождена была въ домъ своихъ родителей.

Соловей также былъ схваченъ въ другомъ мѣстѣ со многими изъ его товарищей. Его, какъ атамана всей шайки, заковали въ кандалы и бросили въ тюрьму впредь до разбирательства.

Вѣдьма, узнавъ отъ второго разбойничьяго есаула, Шкурлапа, что Соловей угодилъ-таки въ клѣтку, рѣшилась, въ память своей прошлой любви къ нему, спасти его. Для этого она тайно пробралась вмѣстѣ съ Шкурлапомъ къ тюрьмѣ, гдѣ этотъ послѣдній въ одеждѣ стражи безъ затрудненія смѣнилъ караульщика и, когда тотъ, не подозрѣвая обмана, передалъ ему свое оружіе, вѣдьма тихо подкралась къ воину и, накинувъ ему на шею шелковую петлю, дернула и задушила бѣднягу.

Его-то и заковала она на мѣсто освобожденнаго атамана.

На утро были выведены изъ темницы разбойники; съ ними вмѣстѣ вынесли и трупъ мнимаго атамана и, при громадномъ стеченіи народа, трупъ его сожгли на площади, а остальныхъ повѣсили.

ГЛАВА IX.

Сватовство.

Какъ ни старался Шемяка, чтобъ великій князь Василій вѣчно оставался въ плѣну у Улу-Махмеда, это ему не удалось. Василій вскорѣ получилъ свободу, внеся за себя хану большой выкупъ. Тогда Шемяка пустился на другіе происки: онъ тайно началъ подговаривать многихъ удѣльныхъ князей напасть на Василія Васильевича, всячески клеветалъ на него и показывалъ имъ подложную грамоту, полученную отъ монаха.

Нѣкоторые князья и бояре московскіе приняли его сторону и обѣщали ему свое содѣйствіе. Великій князь, вернувшись изъ плѣна, отправился со всей своей семьей въ Сергіевскую лавру принести благодареніе Богу за свое освобожденіе. Шемяка не замедлилъ воспользоваться этимъ обстоятельствомъ, соединился съ своимъ двоюроднымъ братомъ Иваномъ Можайскимъ и ночью подступилъ къ Москвѣ. Между московскими боя-

рами нашлись измѣнники, которые отворили имъ городскія ворота, и Шемяка безпрепятственно занялъ Кремль. Онъ овладѣлъ княжеской казной, велѣлъ схватить мать князя и многихъ преданныхъ ему бояръ и, отрядивъ десятка два надежныхъ людей, подъ предводительствомъ Можайскаго, послалъ въ Лавру захватить Василія съ семьей. Хотя великаго князя успѣли предупредить объ опасности, и онъ выслалъ сторожевой отрядъ занять сосѣднюю гору, но Можайскій обманулъ стражу, скрывъ многихъ изъ своей дружины въ саняхъ подъ рогожами, и занялъ монастырь. Тщетно Василій хотѣлъ скрыться въ церкви, у гроба преподобнаго Сергія, его схватили силою и повезли въ Москву на судъ Шемяки. Великій князь отлично зналъ мстительный характеръ своего двоюроднаго брата и трепеталъ за свою участь и всей своей семьи. Предчувствіе его не обмануло: въ ту же ночь къ нему явились посланные отъ Шемяки и по его приказанію ослѣпили его. Отсюда и дано ему названіе Темнаго. Совершивъ надъ нимъ такое ужасное злодѣяніе, Шемяка сослалъ его съ семьей въ изгнаніе въ Угличъ (1446 г.).

Москвичи пришли въ ужасъ отъ звѣрскаго поступка Шемяки, очень соболѣзновали о злополучной судьбѣ Василія и хотя изъ стра-

ка присягнули Шемякѣ въ вѣрности, но большинство втайнѣ ненавидѣло его.

Черезъ нѣсколько времени, по настоятельной просьбѣ митрополита Іоны, Шемяка освободилъ Василія и далъ ему въ удѣлъ Вологду, а самъ занялъ московскій престолъ.

Соловей издавна считалъ себя заклятымъ врагомъ Шемяки, а тутъ, послѣ такого злодѣянія, еще больше возненавидѣлъ его и не пренебрегалъ никакими средствами, чтобъ подорвать его власть: раздѣливъ свою многочисленную шайку на отдѣльные небольшіе отряды, онъ расположилъ ихъ по окрестнымъ дорогамъ Москвы, заставляя грабить проѣзжающихъ и распространяя молву, что всѣ эти грабежи производятся по распоряженію Шемяки.

Всюду разносились недобрые слухи о новомъ властелинѣ, и затаенная ненависть рядомъ съ боязнью крѣпла въ народѣ. Къ тому же, многіе удѣльные князья, зная вѣроломный характеръ Шемяки, серьезно преслѣдовали мысль о низложеніи его. Къ нимъ присоединилось нѣсколько московскихъ бояръ, остававшихся вѣрными Василію, да еще два татарскихъ царевича, и Шемяка принужденъ былъ отступить въ свой наслѣдственный Галичъ, гдѣ все-таки не оставлялъ своихъ притязаній на великое княженіе, но въ концѣ-

концовъ (какъ говоритъ исторія), разбитый на голову московскимъ и татарскимъ войсками (1450 г.), бѣжалъ въ Новгородъ.

Московскіе же граждане съ радостью опять присягнули Василію Темному.

Низвергнутый съ престола, Шемяка просилъ помилованія, давая клятву не думать болѣе о великомъ княженіи. И Василій Васильевичъ простилъ его, предоставивъ суду Божію всѣ прежніе проступки Шемяки...

— Слава Тебѣ, Господи! Миновала наша горькая доля, опять на престолѣ нашъ князь Василій Васильевичъ!—говорилъ извѣстный намъ Иванъ Өедоровичъ Мѣшковъ, бесѣдуя съ пріятелемъ своимъ, богатымъ посадскимъ купцомъ Гуськовымъ.

— Охъ, охъ! Все такъ, да вотъ жаль, что Господь допустилъ коршуна выклевать его очи ясные, — тяжело вздохнувъ, отвѣчалъ Иванъ Дмитріевичъ.

— Что же дѣлать! Такова видно злая судьба нашего князя! Вотъ погоди: подроститъ сынъ его Іоаннъ, такъ и станетъ его правой рукой. Не все же на свѣтѣ Шемяки! Посмотри, какъ всѣ князья стали теперь мирно жить между собой. Только одинъ Дмитрій Юрьевичъ такъ зло и все добивается великаго княженія. А для чего? Самъ видитъ, что

его не благословилъ Господь, что онъ не любъ народу, а все добивается!

— Да, далеко ли ходить за примѣромъ? Помнишь вѣдь, какъ Соловей-разбойникъ увезъ твою Машу въ свой вертепъ? А какъ не судилъ Господь, такъ и дѣвушка, кромѣ испуга, ничего не потерпѣла. А ужъ то ли не разбойникъ!

— Истинно такъ, Иванъ Дмитріевичъ: вся душа и теперь переворачивается, какъ вспомнишь, сколько тревогъ и горя причинилъ мнѣ тогда этотъ злодѣй; а вотъ Господь помиловалъ, и все кончилось благополучно: Маша вернулась къ намъ цѣла и невредима... Мнѣ только трудненько было поправляться, да, благодаря тебѣ, Иванъ Дмитріевичъ, я теперь опять живу попрежнему: не помоги ты мнѣ въ ту пору, пришлось бы чуть не съ сумой идти,—говорилъ Иванъ Ѳедоровичъ съ чувствомъ благодарности.

— Что толковать о пустякахъ! Велика ли была моя помощь? Приведи Богъ и всегда помочь хорошему человѣку на добро да на пользу! Помогать мы всегда должны другъ другу во всемъ,—такъ и Христосъ заповѣдалъ. А вотъ что, батюшка, Иванъ Ѳедоровичъ: я вѣдь пришелъ къ тебѣ сегодня по очень важному дѣлу, только не знаю, какъ и начать.

— Въ чемъ же дѣло, Иванъ Дмитріевичъ, говори? Ты вѣдь знаешь, что я всегда радъ служить тебѣ, чѣмъ могу.

— Вотъ видишь ли что, Иванъ Ѳедоровичъ: сыну моему, Петру, люба твоя дочь Маша; гдѣ онъ ее видѣлъ, не знаю, окромя церкви и мѣста нѣтъ. Только парень мой третій день въ ногахъ у меня валяется: «Батюшка, говоритъ, попроси ты за меня Машу Мѣшкову: души въ ней не чаю, другой годъ маюсь по ней!» А я все не рѣшался, какъ приступиться къ тебѣ... Такъ вотъ, пріятель, скажи ты мнѣ по душѣ, какъ смотришь ты на это дѣло?

— Что тебѣ сказать, Иванъ Дмитріевичъ? Женихъ твой—парень скромный, изъ себя молодецъ, и я очень радъ породниться съ тобой, лишь бы моей дочери нравился.

— Отцу хоть и не пристало выхвалять свое дѣтище, а только по совѣсти скажу: Петръ мой дѣйствительно хорошій, работящій малый, и твоя Маша не ошибется въ немъ. Нѣтъ у него этого, чтобъ закутить съ товарищами, или тамъ въ кости поиграть; всегда онъ дома, за дѣломъ, только и выходу, что въ храмъ Божій.

— Что и говорить! Ужъ мнѣ ли не знать твоего молодца? Почитай, на глазахъ у меня и выросъ... Такъ вотъ что, Иванъ Дмитріе-

вичъ: знать, такъ Богу угодно, такъ тому и быть!

И будущіе сваты встали, поклонились другъ дружкѣ въ поясъ, обнялись, поцѣловались три раза и ударили по рукамъ.

Мѣшковъ позвалъ свою жену.

— Ариша! кланяйся Ивану Дмитріевичу: онъ намъ сватъ и будущій свекоръ Маши.

— Это воля твоя, Иванъ Ѳедоровичъ; если Иванъ Дмитріевичъ хочетъ насъ осчастливить своимъ родствомъ, такъ да будетъ на то воля Божія и наше родительское благословеніе,—кланяясь гостю въ поясъ, отвѣчала Ирина Дмитріевна.

Затѣмъ на столѣ появились медъ и разныя закуски, и будущіе сваты, помолившись Богу передъ иконами, окончательно порѣшили насчетъ будущности своихъ дѣтей.

Личико Маши такъ и залилось яркимъ румянцемъ, когда родители объявили, что просватали ее за молодого Гуськова. Дѣло въ томъ, что онъ давно ей нравился, хотя она еще смутно сознавала это чувство.

ГЛАВА X.

Вторичное похищеніе Маши.

Въ домахъ жениха и невѣсты начались обычныя приготовленія къ свадьбѣ. Много было всякой суетни и хлопотъ съ безпрестанными разъѣздами по разнымъ лавкамъ, покупками, кройкой и шитьемъ приданаго для невѣсты, хотя и безъ того сундуки ломились отъ всякаго тряпья, наготовленнаго чуть не съ первыхъ дней новорожденной Маши, и вся эта суетня кончилась лишь въ самый день бракосочетанія. Наконецъ, этотъ день настаалъ. Невѣсту собрали подъ вѣнецъ, благословили и отправили въ церковь, гдѣ ее уже дожидался женихъ.

По окончаніи обряда вѣнчанія, когда молодые стали выходить изъ церкви, на паперти кто-то умышленно крикнулъ: «Пожаръ! горитъ!» Произошла такая суматоха и давка, что новобрачные были разъединены. Къ тому же вниманіе всѣхъ было привлечено появле-

ніемъ безобразной старухи, которая, проталкиваясь впередъ своими костлявыми руками, дико хохотала, глядя на испуганную толпу.

— Колдунья! колдунья! — кричали разбѣгающіеся зрители.

— Держите, держите ее!—кричали болѣе смѣлые изъ толпы.

Но колдунья уже скрылась; да никто и не осмѣлился бы ее задержать въ тотъ темный и суевѣрный вѣкъ. Переполохъ длился не болѣе пяти минутъ, но въ эти немногія минуты случилось многое.

— Гдѣ невѣста? Гдѣ женихъ?—спрашивали сопровождавшіе брачный поѣздъ, опомнившись отъ страха.

Но ни жениха, ни невѣсты нигдѣ не могли найти. Смятеніе было общее.

Прошло болѣе часу. Родители новобрачныхъ, по обычаю того времени остававшіеся дома для встрѣчи молодыхъ хлѣбомъ-солью, удивлялись не мало, что обрядъ вѣнчанія такъ затянулся долго.

Но каково же было ихъ отчаяніе, когда кто-то изъ присутствовавшихъ въ церкви прибѣжалъ сказать о случившемся.

Послано было нѣсколько человѣкъ на розыски въ разные концы, но безуспѣшно. Наконецъ, уже вечеромъ, молодой Гуськовъ, блѣдный, измученный, вернулся домой одинъ.

Его обступили со всѣхъ сторонъ и засыпали вопросами. Взволнованный Петруша не сразу началъ свой тяжелый разсказъ.

— Только что мы стали выходить изъ церкви, какъ послышался крикъ: «пожаръ! горимъ!» Испуганный народъ бросился къ выходу; произошла страшная давка; въ это время толпа какъ-то оттерла отъ меня Машу, и когда я опомнился и сталъ звать ее, ея нигдѣ не было. Тутъ увидалъ я какую-то безумную старуху, протискивавшуюся впередъ, а народъ, разбѣгаясь въ разныя стороны, съ ужасомъ кричалъ: «вѣдьма! колдунья!» Къ довершенію несчастья, лошади, испугавшись крика и всей этой суматицы, помчались въ разныя стороны. Бѣгу на улицу, зову Машу, Васю-кучера, никого нѣтъ!.. Наконецъ, черезъ двѣ-три минуты вижу— подходитъ Вася, держась за голову. Спрашиваю: — «не видалъ ли Марьи Ивановны? Лошади гдѣ?» — «Не знаю, говоритъ, батюшка, Петръ Ивановичъ: Марьи Ивановны не видалъ, а лошадей вмѣстѣ съ повозкой, должно быть, кто-нибудь угналъ. Сижу это я на облучкѣ и поджидаю вашу милость. Какъ вдругъ кто-то далъ мнѣ такую затрещину по головѣ, что я не помню, какъ свалился съ козелъ. Когда я поднялся, то нашей колымаги съ лошадьми уже не было». Тутъ я до-

гадался, продолжалъ разсказывать Гусьновъ, что Машу мою негодяи увезли на нашихъ же лошадяхъ, и мы съ Васей бросились впередъ, надѣясь догнать ихъ; но ихъ и слѣдъ простылъ. Теперь я пришелъ просить васъ, батюшка съ матушкой, снарядить и благословить меня съ Васей въ погоню за разбойниками. Чуетъ мое сердце, что злодѣй, похитившій мою Машу, все тотъ же Соловей разбойникъ. Лучше бы онъ убилъ меня, чѣмъ отнялъ у меня мою голубку!..—И Петръ Гуськовъ горько заплакалъ.

— Богъ благословитъ тебя, сынъ нашъ!— сказали плачущіе родители. Только смотри, Петруша, береги свою головушку!

Петя помолился образамъ, поклонился отцу съ матерью и вышелъ въ сопровожденіе Васи, который тѣмъ временемъ уже успѣлъ осѣдлать двухъ свѣжихъ коней.

Родители снабдили его на дорогу всѣмъ необходимымъ, и вскорѣ взвившаяся пыль дала знать объ удалявшихся всадникахъ.

ГЛАВА XI.

Спасеніе Маши.

Петръ Ивановичъ съ Васей мчались во весь опоръ въ продолженіе часу, не останавливаясь ни на минуту. Наконецъ, они поѣхали тише, желая дать вздохнуть лошадямъ, которыя всѣ взмылились отъ быстрой ѣзды. Отъѣхавъ еще версты двѣ и не видя ни малѣйшаго признака, по которому можно было бы судить, что они напали на слѣдъ, Гуськовъ осадилъ лошадь и съ тоской проговорилъ:

— Безполезно мчаться такъ, куда зря! Вѣрно мы не ту дорогу взяли. Что теперь дѣлать—и не придумаю! Посовѣтуй хоть ты, Вася!

— Что посовѣтовать-то, Петръ Ивановичъ? Слышалъ я, что тутъ, гдѣ-то недалеко живетъ старая колдунья, которая будто бы отлично ворожитъ. Не завернетъ ли къ ней твоя милость? Кто знаетъ, можетъ и правду скажетъ.

Петръ Ивановичъ призадумался.

— А пожалуй, поѣдемъ къ ней, попытаемъ своего счастья,—помолчавъ немного, отвѣчалъ Гуськовъ, и они опять погнали лошадей и скоро достигли небольшой деревушки.

— Послушай, добрый человѣкъ,—останавливая молодого парня, сказалъ Вася. Не слыхалъ ли ты, гдѣ тутъ у васъ живетъ колдунья?

— Колдунья? А вотъ, родимый, въ этомъ самомъ лѣсу и живетъ; поѣзжайте просѣкой; какъ только доѣдете до оврага, тутъ у окраины-то и увидите ея избушку... такъ, немудреная... Да что это вамъ, родимые, попритчилось ѣхать-то къ ней? Она, сказываютъ, съ нечистой силой знается.

— Нужно, братецъ,—отвѣчали наши путники и повернули коней къ лѣсу.

Крестьянинъ покачалъ головой и крикнулъ имъ вслѣдъ:

— Смотрите, добрые люди, зачурайтесь, какъ будете входить къ ней; а то, оборони Господь, она васъ испортитъ.

Сказавъ ему: «спасибо за совѣтъ», всадники наши помчались по указанной дорогѣ и скоро подъѣхали къ жилищу вѣдьмы.

Колдунья отперла дверь своей лачуги и впустила молодыхъ людей.

Петръ Ивановичъ и Вася молча поклонились ей, и первый сразу призналъ въ ней ту

свадьбу, старуху, которая распугала народъ на паперти.

— Что вамъ нужно, добрые молодцы? спросила ихъ колдунья.

— Мы къ тебѣ, бабушка, съ большей просьбой, — сказалъ Вася довольно смѣло. Погадай намъ, сдѣлай милость, куда дѣвалась молодая жена вотъ этого молодца? Бѣдный съ тоски не знаетъ, куда дѣваться.

— Такъ тебѣ жаль своей молодой женушки? съ оттѣнкомъ участія спросила старуха.

— Какъ же не жаль, бабушка! Извѣстно, жаль!.. Ты ужъ только поворожи мнѣ скорѣе, гдѣ мнѣ ее искать, время дорого... Да и найду ли еще ее, мою голубку?

— Не бойся, не пропадетъ твоя Машенька, только самъ не плошай.

Гуськовъ удивленно переглянулся съ Васей и шепнулъ:

— Знать, и вирямь ей извѣстно что-нибудь про мою жену; иначе откуда бы она знала ея имя?

А дѣло объяснялось очень просто: прослышавъ, что Маша спасена была изъ вертепа Соловья-разбойника и, благополучно вернувшись къ своимъ родителямъ, вскорѣ была просватана за молодого Гуськова, старуха нарочно притащилась въ городъ, разузнала, гдѣ и когда будутъ вѣнчать молодыхъ,

и явилась въ церковь посмотрѣть на брачную церемонію, чтобы лично убѣдиться въ томъ, что угроза Соловья во что бы то ни стало вторично овладѣть Машей не осуществилась. Дикій хохотъ старухи и былъ слѣдствіемъ ея злораднаго торжества надъ Соловьемъ, что съ замужествомъ дѣвушки должны были рушиться всѣ его козни противъ ея любимицы.

Но въ это самое время, какъ извѣстно, и совершилось вторичное похищеніе Маши. Такимъ образомъ старуха невольно сдѣлалась свидѣтельницей и какъ бы участницей въ этомъ вопіющемъ дѣлѣ, потому что своимъ появленіемъ усилила общее смятеніе и тѣмъ облегчила исполненіе рискованнаго предпріятія Соловья. Этотъ послѣдній впалъ при этомъ въ большое заблужденіе: онъ объяснилъ себѣ появленіе колдуньи на паперти, какъ желаніе помочь ему усилить суматоху и, слыша, какъ нѣкоторые крикнули: «держи ее!», онъ поспѣшилъ и ее увлечь вмѣстѣ съ собой.

А теперь вернемся опять въ избушку вѣдьмы, куда пріѣхали Гуськовъ съ Васей за ворожбой.

На этотъ разъ старуха ограничилась болѣе простымъ пріемомъ гаданія: она только для виду взяла чашу съ водой и таинственно начала шептать надъ нею какія-то слова,

предварительно поставить молодыхъ людей для большей торжественности въ очерченный кругъ и приказавъ имъ не говорить ни слова.

— Я вижу,—начала она,—берегъ рѣки, по другую сторону которой раскинулся дремучій лѣсъ; у того берега стоитъ плотъ.

— Никакъ я признаю это мѣсто!—крикнулъ Вася, не сдержавшись:—отсюда будетъ, почитай, верстъ 20, если взять проселкомъ; тамъ есть и рѣка, и плотъ, и лѣсъ,—продолжалъ онъ высчитывать, не замѣчая, что Гуськовъ дергалъ его за полу.

— Тс!—съ неудовольствіемъ остановила ворожея:—дай досказать! Ну, я продолжаю: на этотъ плотъ въѣзжаетъ лихая тройка въ богатой свадебной сбруѣ; въ повозкѣ сидитъ мужчина и обнимаетъ молодую женщину, которая всячески отбивается отъ него.

Гуськовъ и Вася съ замираніемъ сердца слушаютъ, не смѣя даже пошевельнуться.

— Но вотъ плотъ отчаливаетъ отъ берега,—продолжала старуха:—онъ уже на срединѣ рѣки... Женщина бросается въ воду. Лошади съ испуга шарахнулись въ сторону, плотъ опрокинулся...

Но тутъ уже Гуськовъ не выдержалъ, вскрикнулъ и чуть не упалъ въ обморокъ.

Тише, тише, добрый молодецъ! Погоди отчаиваться!

— Какъ же, бабушка, не отчаиваться, если ты говоришь про мою Машу? Значитъ, она потонула, бѣдняжка, коли бросилась въ самую глубь?

— Успокойся, не потонула твоя Маша: я вижу ее живехонькой въ рыбачьей хижинѣ,— продолжала разсказывать старуха какъ по-писанному, ибо всѣ эти подробности давно были ей извѣстны отъ самого Шкурлапа.

— Вода замутилась и больше ничего не видать,—отходя въ сторону сказала вѣдьма.— Надѣюсь, ребятушки, вы довольны моимъ гаданіемъ?

Петръ Ивановичъ поблагодарилъ ее, сунувъ ей въ руку нѣсколько серебряныхъ монетъ, и вышелъ.

— Вотъ что, Петръ Ивановичъ,—сказалъ Вася:—доѣдемъ до того мѣста, которое описала намъ колдунья, благо и ѣхать не далеко. Мы какъ разъ провѣримъ, правду ли она намъ сказала.

Русковъ самъ былъ того же мнѣнія, и они поскакали по калужской дорогѣ, торопясь доѣхать засвѣтло до рѣки...

Пока молодые люди ѣдутъ, не лишнимъ будетъ разсказать, какъ совершилось вторичное похищеніе Маши.

Въ то время, какъ толпа любопытныхъ ждала выхода молодой четы отъ вѣнца, въ народѣ послышалось—«пожаръ! горимъ!» Произошла, какъ извѣстно, страшная давка и суматоха, среди которой Маша была оттерта отъ своего мужа.

Соловей зорко слѣдилъ за своей жертвой и, окруживъ ее съ своими пособниками, быстро завязалъ ей ротъ платкомъ, прежде чѣмъ она успѣла опомниться, а Шкурлапъ нагайками сталъ разгонять лошадей и въ минуту общаго смятенія сшибъ зазѣвавшагося Васю съ козелъ и мигомъ очутился на его мѣстѣ, Соловей подхватилъ испуганную Машу и втащилъ ее въ колымагу.

Разгоряченная Шкурлапомъ тройка помчалась и скоро скрылась изъ виду.

Промчавшись около версты, Маша опомнилась; страхъ и ужасъ оковали ее, когда она увидѣла себя въ объятіяхъ того самаго разбойника, которымъ разъ уже была похищена.

— Что, красавица, пріуныла?—говорилъ ей атаманъ;—или тоскуешь по своемъ возлюбленномъ муженькѣ? Забудь о немъ, моя прелесть! У меня заживешь ты царицею... Всѣ богатства свои отдамъ тебѣ!

— Оставь меня, разбойникъ! Не хочу

я твоего богатства, облитаго человѣческою кровію!

— А, такъ ты не хочешь любить меня? Такъ я зарѣжу тебя и размыкаю по вѣтру твое тѣло бѣлое!—въ пылу гнѣва крикнулъ Соловей.

— Я въ твоихъ рукахъ, душегубъ! Лучше зарѣжь меня, чѣмъ силою навязывать мнѣ свою любовь.

Атаманъ сдѣлался грозенъ; на лицѣ его выразилось звѣрство. Тройка подъѣхала къ рѣкѣ и въѣхала на плотъ. Перевозчикъ отъ старости еле передвигалъ ноги и съ трудомъ работалъ багромъ, тихо отталкивая плотъ отъ берега.

— Атаманъ! подержи лошадей, а я помогу старику... Вишь онъ еле духъ переводитъ; гдѣ ужъ ему тутъ справиться съ перевозомъ.

Соловей сталъ сдерживать тройку, а Шкурлапъ работалъ багромъ, замѣнивъ перевозчика.

— Прощай, Петя!—крикнула Маша и вмѣстѣ съ тѣмъ бросилась въ воду.

Внезапный крикъ и плескъ воды испугалъ лошадей: онѣ рванулись и упали въ воду, увлекая за собою повозку и атамана. Отъ быстраго паденія лошадей и повозки плотъ сильно покачнулся, накренился и

опрокинулъ въ воду всѣхъ бывшихъ на немъ.

Шкурлапъ умѣлъ хорошо плавать и вскорѣ вынырнулъ на поверхность воды. Оглянувшись кругомъ и не видя атамана, онъ счелъ его потонувшимъ. Тутъ ему пришла корыстная мысль попытаться спасти молодую женщину, конечно, съ цѣлью взять за нее хорошій выкупъ. Выйдя на берегъ, онъ поспѣшно сбросилъ съ себя верхнее платье и обувь и нырнулъ раза два. Черезъ минуту онъ показался на поверхности воды вмѣстѣ съ Машей, которую вынесъ на берегъ уже безъ чувствъ.

Вблизи отъ этого перевоза виднѣлось жилье, туда и направился съ своей ношей Шкурлапъ.

Оказалось, что это былъ небольшой рыбачій поселокъ.

ГЛАВА XII.

Утопленница.

Приблизившись къ поселку, Шкурлапъ крикнулъ двумъ-тремъ хозяевамъ, сидѣвшимъ на завалинкахъ своихъ избенокъ и чинившимъ сѣти:

— Братцы! помогите откачать молодую женщину! Сейчасъ только вытащилъ изъ воды и самъ весь измокъ.

Нѣсколько рыбаковъ съ любопытствомъ обступили его и стали разспрашивать о случившемся.

— Послѣ, послѣ, добрые люди! Теперь не время разсказывать: видите, гибнетъ душа христіанская! Поспѣшите же спасти человѣка, — молилъ Шкурлапъ крестьянъ-рыбаковъ.

Вѣсть объ утопленницѣ вмигъ облетѣла всю деревушку. Бабы съ ребятами гурьбой высыпали на улицу и каждый изъ присутствующихъ наперерывъ спѣшилъ высказать свое мнѣніе, какъ оживить несчастную. Кто-то догадался положить ее на сѣть, на которой и стали ее откачивать. Черезъ нѣсколько минутъ

вода хлынула у ней носомъ и ртомъ, и Маша постепенно начала приходить въ чувство.

— Дышетъ, слава Богу, жива! — раздалось нѣсколько голосовъ въ толпѣ.

Больше всѣхъ орудовала около больной одна уже немолодая, но очень расторопная женщина, которая продолжала ей тереть грудь, животъ, руки и ноги, предварительно распорядившись внести ее въ себѣ въ избу и уложивъ ее на свою постель.

Нашелся глотокъ вина, который окончательно оживилъ Машу, и она могла уже сидѣть.

Шкурлапъ обрадованный, что труды его не пропали даромъ, сунулъ хозяевамъ нѣсколько мелкихъ серебряныхъ монетъ, прося не оставить попеченіями больную.

— А я самъ, — продолжалъ онъ, — отправлюсь въ Москву и оповѣщу ея родителей и мужа о несчастіи, случившемся съ нею. Пусть они сами пріѣдутъ сюда и возьмутъ ее къ себѣ. Люди они богатые и за все вознаградятъ васъ сторицею.

Разсчитывая на щедрую благодарность, обѣщанную Шкурлапомъ, рыбаки даже предложили ему свою лошадь и телѣгу. Мальчуганъ лѣтъ 15 сѣлъ на облучокъ, и такимъ образомъ они вдвоемъ въ тотъ же день отправились въ Москву.

Въ то время, какъ тонула Маша, Соловей упалъ вмѣстѣ съ лошадьми и повозкой въ воду и держался нѣсколько секундъ на поверхности воды, повиснувъ на поводьяхъ; онъ нисколько не заботился объ участи своихъ товарищей по несчастью и думалъ лишь о своемъ личномъ спасеніи.

Но вотъ лошади, увлекаемыя тяжелыми повозками, стали тонуть, тогда Соловей выпустилъ изъ рукъ поводья, и ему пришлось отчаянно бороться противъ бывшаго тутъ круговорота и сильнаго теченія воды, которымъ его далеко отнесло въ сторону, пока, наконецъ, онъ не выбрался на противуположный берегъ.

— Вотъ оно, мое проклятое счастье! Второй разъ не удается мнѣ овладѣть моей красавицей! И теперь ужъ безвозвратно!..—съ досадой проговорилъ Соловей, озираясь кругомъ и считая себя однимъ, спасшимся отъ смерти.

— Съ первыхъ дней моей юности неудача въ любви преслѣдуетъ меня! Тогда исторія съ Аксюшей, теперь съ Машей,—продолжалъ разсуждать вслухъ нашъ герой, прыгая съ кочки на кочку топкаго болота и стараясь выбраться на какую нибудь дорогу или хоть тропинку.

ГЛАВА XIII.

Неожиданная встрѣча.

— Чудное, право, дѣло, Петръ Ивановичъ! Сколько лѣтъ ѣзжу съ товаромъ по этому мѣсту и всегда тутъ былъ перевозъ. А теперь онъ словно куда сгинулъ. Вотъ и повѣрь старой колдуньѣ,—такъ говорилъ Вася, когда они подъѣзжали къ тому мѣсту рѣки, гдѣ незадолго передъ тѣмъ разыгралась вышеописанная сцена.

— Не снесло ли куда? Поѣздимъ по берегу, а то можно спросить кого-нибудь, чай жилье недалеко отсюда,—отвѣчалъ Петръ Ивановичъ, у котораго защемило на сердцѣ при одной только мысли, что весь сложный разсказъ вѣдьмы — простая выдумка.

Молодые люди взяли берегомъ налѣво, гдѣ виднѣлся дымокъ изъ одной трубы. Проѣхавъ съ полверсты, они наткнулись на капустные огороды, въ одномъ изъ которыхъ увидали старушку, усердно поливавшую свои гряды.

— Бабушка!—окликнули они ее,—гдѣ тутъ будетъ у васъ перевозъ?

— Перевозъ-то? Это вы должно про плотъ спрашиваете?—прикрывшись рукой отъ заходящаго солнца, сказала старуха.

— Да, да, родимая! Тутъ былъ плотъ; куда онъ дѣвался?

— Плотъ-то? Его надняхъ снесло нивѣсть кýда. А на что онъ вамъ, родимые?

— Извѣстное дѣло—на ту сторону перебраться,—нетерпѣливо отвѣчалъ молодой Гуськовъ.

— Нѣтъ ужъ, погодить надоть. Нонѣ, сказываютъ, на этомъ самомъ плоту народу перегубило столько, страсть!.. Вотъ и сейчасъ у меня въ избѣ проживаетъ одна боярышня, которая чуть было не утонула, да, спасибо, одинъ купчина вытащилъ ее изъ воды.

— Боярышня! А какъ ея имя?—спросили въ одинъ голосъ оба всадника.

— Да, кажись, Марьей Ивановной прозывается,—отвѣчала старуха.

— Бабушка, родная! Дозволь взглянуть на твою гостью! Тутъ въ числѣ проѣзжихъ была и моя жена, такъ не узнаю ли что о ней?—говорилъ съ сердечнымъ замиранiемъ Петръ Ивановичъ.

— По что нѣтъ, родимый, поди, посмо-

шай... можетъ и впрямь знаетъ, съ кѣмъ ѣхала. Пойдемте, добрые люди! Тутъ недалеко и моя хатенка стоитъ.

Молодые люди сошли съ коней и, взявъ ихъ подъ уздцы, пошли слѣдомъ за своей провожатой.

Войдя въ избу, они вскрикнули отъ радости, узнавъ въ сидѣвшей молодой женщинѣ ту, которую разыскивали все время.

— Господи! Кого я вижу!—вскрикнула въ свою очередь и Маша:—Петя, дорогой мой! Ты? Да не во снѣ ли я вижу тебя?—продолжала она, приподнимаясь съ лавки.

— Я, я, моя радость! Наконецъ-то, я нашелъ тебя, голубка моя дорогая! Ты опять со мной! Слава и благодареніе Господу!

Вѣрный слуга Вася стоялъ въ сторонѣ и утиралъ рукавомъ слезы, радуясь на счастье своихъ добрыхъ хозяевъ. Маша и его не оставила безъ привѣтливаго слова, а затѣмъ Гуськовъ, объяснивъ хозяевамъ свои права на ихъ гостью, щедро отблагодарилъ ихъ за все, нанялъ повозку съ лошадьми и поспѣшилъ обратно въ Москву, чтобъ поскорѣе утѣшить и обрадовать своихъ родителей. Вася же принужденъ былъ переночевать, чтобъ дать отдохнуть измученнымъ конямъ.

И дѣйствительно: велика была радость стариковъ, когда они увидали благополучно

вернувшихся своихъ дѣтей, и Маша переходила изъ объятій въ объятія.

Въ оживленныхъ разговорахъ день незамѣтно склонился къ вечеру, какъ вдругъ общее радостное настроеніе было прервано стукомъ подъѣхавшей къ дому Ивана Дмитріевича телѣги.

Выглянувъ изъ окна, Маша съ ужаснымъ крикомъ отскочила отъ него и, вся блѣдная и дрожащая, проговорила, что къ нимъ идетъ Шкурлапъ, есаулъ того самого Соловья-разбойника, который ее оба раза похитилъ.

Немедленно были приняты мѣры предосторожности.

Когда Шкурлапъ вошелъ и сталъ спрашивать хозяина дома, то его проводили въ рабочую комнату и просили тамъ подождать.

Молодой же Гуськовъ поспѣшилъ въ приказную избу великаго князя и заявилъ тамъ о случившемся.

Тотчасъ отрядили трехъ сержантовъ, которые, по указанію Петра Ивановича, взяли Шкурлапа и отвели въ приказную избу для снятія допроса; затѣмъ онъ былъ посаженъ въ тюрьму и черезъ нѣсколько времени казненъ черезъ повѣшеніе.

ГЛАВА XIV.

Мщеніе вѣдьмы.

Теперь вернемся опять къ князю Дмитрію Юрьевичу Шемякѣ. Какъ уже раньше было сказано, онъ, въ силу обстоятельствъ, принужденъ былъ отречься отъ великокняжескаго престола и удалиться въ свой наслѣдственный Галичъ, гдѣ, несмотря на свои неоднократныя клятвы болѣе никогда не домогаться престола, все-таки не разъ еще собиралъ разношерстное войско и выступалъ противъ великокняжескихъ дружинъ. Но какъ ни старался онъ осуществить свой коварный замыселъ, послѣдствія его всегда были неудачны, и онъ всякій разъ, разбитый на-голову, принужденъ былъ искать спасенія въ бѣгствѣ.

Около этого времени онъ приблизилъ къ себѣ одного татарскаго мурзу, Али-Бея, который былъ вѣрнымъ и неразлучнымъ его спутникомъ. Шемяка сильно привязался къ

нему и считалъ его лучшимъ своимъ другомъ. Съ нимъ-то вмѣстѣ, послѣ послѣдней неудачной стычки съ великокняжеской дружиной, онъ бѣжалъ въ Новгородъ и проводилъ свое время въ различныхъ пирахъ и удовольствіяхъ.

Однажды Шемяка, въ обществѣ своего друга Али-Бея и другихъ своихъ приближенныхъ, пировалъ у себя на вечерѣ. Въ разгарѣ веселья онъ сталъ вспоминать различные случаи изъ своей жизни, богатой приключеніями, и между прочимъ разсказалъ, какъ въ молодости своей посѣтилъ разъ одну вѣдьму, которая предсказала ему смерть отъ отравленія.

— Какъ отъ отравленія?—вскричали въ ужасѣ всѣ присутствующіе.

— Да! Отъ яду, отъ яду!..—говорилъ Шемяка коснѣющимъ языкомъ и повалился на лавку, какъ бы отъ сильнаго хмеля.

— Что съ тобой, князь? — спросили его собесѣдники.

— Такъ, ничего!.. Что-то ослабъ... Должно быть, лишнее выпилъ. Сынъ мой! Проводи меня въ мою комнату.

И Шемяка, поддерживаемый мурзою и своимъ сыномъ Иваномъ, былъ отведенъ въ опочивальню.

— Князь Иванъ Дмитріевичъ! Поди къ гостямъ въ свѣтлицу, займи ихъ, а твоему отцу нужно отдохнуть; видишь, какъ онъ ослабѣлъ, а гости своимъ посѣщеніемъ могутъ обезпокоить его,—сказалъ Али-Бей.

Князь Иванъ послушался совѣта и вышелъ.

Уложенный въ мягкую пуховую постель, Шемяка продолжалъ метаться въ жару.

— Другъ мой! Вѣрно я сегодня выпилъ много лишняго. Не понимаю, отчего чувствуется такая сильная боль въ желудкѣ, и такъ страшно жжетъ и давитъ грудь?—жаловался Шемяка Али-Бею, сжимая руками свою широкую грудь и хватаясь растерянно за голову.

— Да! Ты дѣйствительно пьянъ, князь; но только отъ этого опьянѣнія ты не проспишься, а умрешь,—съ злобой въ голосѣ проговорилъ мурза, внезапно сбрасывая съ себя маску всегдашняго притворства и лести.

— Какъ! Я умру?—крикнулъ въ ужасномъ отчаяніи Шемяка, и глаза его выкатились наружу, а лицо стало сине-багровое.

— Да, ты умрешь, потому что выпилъ ядъ въ поданномъ тебѣ кубкѣ и проживешь лишь одинъ, много полтора часа,—отвѣчалъ хладнокровно Али-Бей.

— Скажи же мнѣ, мой вѣрный другъ, кто тотъ злодѣй, который захотѣлъ умертвить меня?—въ волненіи продолжалъ разспрашивать Дмитрій Шемяка.

— Я!—отвѣчалъ холодно мурза.

— Ты! Ты! Не вѣрю: ты, Али-Бей, мой лучшій другъ, мой совѣтникъ?..

— И твой злодѣй, твой мститель, а вдобавокъ ко всему этому и твой холопъ Степанъ, тотъ самый Степанъ, котораго, помнишь, лѣтъ двадцать тому назадъ, ты немилосердно наказалъ батогами и выкинулъ на трескучій морозъ, предварительно отнявъ у него его возлюбленную и ребенка.

— Такъ это ты убилъ меня, злодѣй? Такъ это я на своей собственной груди отогрѣлъ змѣю? — упавшимъ голосомъ проговорилъ Шемяка.

— Не онъ одинъ, я ему помогла!—сказала вошедшая въ это время вѣдьма:—я своими собственными руками приготовила ядъ, о, какой ядъ!.. Я варила его на медленномъ адскомъ огнѣ; вмѣсто воды я вливала въ него по каплѣ слезъ, горя и терпѣнія; я же предсказала тебѣ твой злосчастный конецъ. Ты видишь, я не обманула тебя; а ты меня обманулъ, обольстилъ и погубилъ... Смотри!

И она сорвала съ своей груди крошечный складничекъ, въ которомъ было два изобра-

женія: мужское и женское. Въ первомъ Шемяка узналъ себя юношей, а во второмъ ту красавицу - Аксюшу, которую отнялъ у ея жениха, обольстилъ и бросилъ чуть не на другой день.

— Что, признаешь ли ты какое - нибудь сходство съ этимъ изображеніемъ въ преждевременно состарѣвшейся, безобразной старухѣ, которая передъ тобой и чье счастье ты загубилъ навѣкъ?—выпрямляя свой станъ, продолжала Ксенія.

Шемяка совершенно былъ подавленъ и уничтоженъ этой вѣстью и устремилъ свой потухающій взоръ на ту, которая чрезъ столько лѣтъ нежданно - негаданно явилась карательницей его проступка молодости.

— Теперь, князь, я все сказала; мщеніе мое окончено, прощай!

И вѣдьма скрылась навсегда.

Али-Бей, или Соловей-разбойникъ, также вышелъ, пораженный предсмертными судорогами Шемяки, котораго вошедшій чрезъ нѣсколько минутъ князь-Иванъ нашелъ уже мертвымъ.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Прошло съ тѣхъ поръ около двадцати лѣтъ. Иванъ Ѳедоровичъ и Иванъ Дмитріевичъ состарѣлись; жены ихъ умерли нѣсколько лѣтъ раньше. Возмужалъ и молодой Гуськовъ, и перемѣнилась въ лицѣ его жена, Марья Ивановна, имѣя уже взрослыхъ дѣтей.

Передавъ торговлю общему своему сыну, Петру Ивановичу, старики доживали свой вѣкъ въ поучительныхъ бесѣдахъ, читая или слушая книги духовнаго содержанія. Въ особенности же они любили слушать разсказы и поученія отца Палладія—монаха изъ одной ближней обители, который своей благочестивой жизнью и добрыми дѣлами былъ извѣстенъ далеко въ окружности. Бесѣды его всегда были исполнены вѣры въ благость и промыслъ Божій и постоянно дышали любовью къ ближнему. Только одно смущало нашихъ стариковъ: когда при прощаніи съ

Палладіемъ они просили его благословенія, онъ утиралъ слезу и говорилъ имъ печальнымъ голосомъ:

— Не достоинъ я, грѣшный, благословлять васъ, братія!

— Тутъ кроется какая-нибудь тайна,—говорили старики другъ другу и не рѣшались уже болѣе прибѣгать къ нему за благословеніемъ.

Еще нѣсколько лѣтъ кануло въ вѣчность.

Удрученный старостью, Иванъ Ѳедоровичъ заболѣлъ и слегъ въ постель. Его навѣстилъ отецъ Палладій.

— Приготовься, братъ Іоаннъ! Ты житель иного міра,—сказалъ онъ больному.

— Чувствую и самъ, что близокъ мой конецъ, и не ропщу на Господа... Пожилъ я довольно и пора оставить этотъ міръ. Помолись за меня и ты, отецъ Палладій; можетъ быть, твоя усердная молитва будетъ утоленіемъ моей духовной скорби.

— Тебѣ подобаетъ молиться за меня: много я грѣшенъ предъ тобой,—сказалъ, поникнувъ головой, старецъ.

— Ты?!—съ удивленіемъ спросилъ умирающій.

— Да, братъ Іоаннъ, я,—печально отвѣчалъ инокъ, притворяя дверь въ сосѣднюю комнату.

— Не вѣдаю за тобой никакого грѣха противу меня,—замѣтилъ больной.

— Ты вспомнишь, если я скажу тебѣ.

Палладій сѣлъ на краю постели умирающаго и началъ свой разсказъ:

— Около сорока лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ жилъ на свѣтѣ отважный разбойникъ-Соловей, гроза дремучихъ лѣсовъ и большихъ дорогъ, который дѣлалъ набѣги на татаръ, литовцевъ, грабилъ Кремль и окрестныя селенія и т. п. Ему понравилась твоя дочь; онъ увезъ ее и ограбилъ тебя. Этотъ злодѣй былъ сожженъ на кострѣ, но это былъ обманъ, ибо товарищи спасли его, подмѣнивъ его трупомъ убитаго стража. Тогда онъ вторично отважился на похищеніе твоей дочери прямо изъ-подъ вѣнца. Но Провидѣніе и тутъ спасло ее и уже навсегда. Соловей сталъ потомъ мстителемъ и карателемъ: онъ убилъ Шемяку, какъ своего лютаго

врага и возмутителя спокойствія русскихъ людей. Наконецъ, возвративъ кому что принадлежало изъ награбленныхъ богатствъ, а частью раздавъ нищимъ и по монастырямъ, онъ покинулъ свое ужасное ремесло и посвятилъ остатокъ своей жизни покаянію. Вотъ какова была жизнь Соловья-разбойника и этотъ Соловей—предъ тобой, нынѣ смиренный инокъ Палладій. Простишь ли ты меня, братъ Іоаннъ?

И старецъ упалъ на колѣни предъ постелью умирающаго.

— Господь тебя проститъ и помилуетъ, отецъ мой!—проговорилъ страшно потрясенный этимъ признаніемъ Иванъ Ѳедоровичъ.

Вскорѣ за тѣмъ онъ скончался. Семья искренно сокрушалась о его смерти, но больше другихъ оплакивалъ его старецъ-инокъ.

Послѣ смерти Ивана Ѳедоровича Палладій вскорѣ облачился въ схиму, и денно и нощно возносились его горячія молитвы ко Господу.

Однако же жизнь его стала замѣтно угасать. Почувствовавъ приближеніе смерти, онъ пригласилъ къ себѣ всю семью Ивана

Дмитріевича и чистосердечно покаялся предъ Марьей Ивановной, что онъ — тотъ самый злодѣй, который такъ много принесъ ей горя въ жизни.

Какъ ни поражена была Марья Ивановна и всѣ ея семейные этимъ неожиданнымъ признаніемъ, тѣмъ не менѣе, всѣ они были до глубины души тронуты его искреннимъ сокрушеніемъ о своей прошлой жизни и по христіанскому обычаю поклонились въ ноги умирающему, въ знакъ чистосердечнаго прощенія и забвенія всѣхъ прежнихъ обидъ.

Такъ закончилась жизнь Соловья - разбойника.

КОНЕЦЪ.

